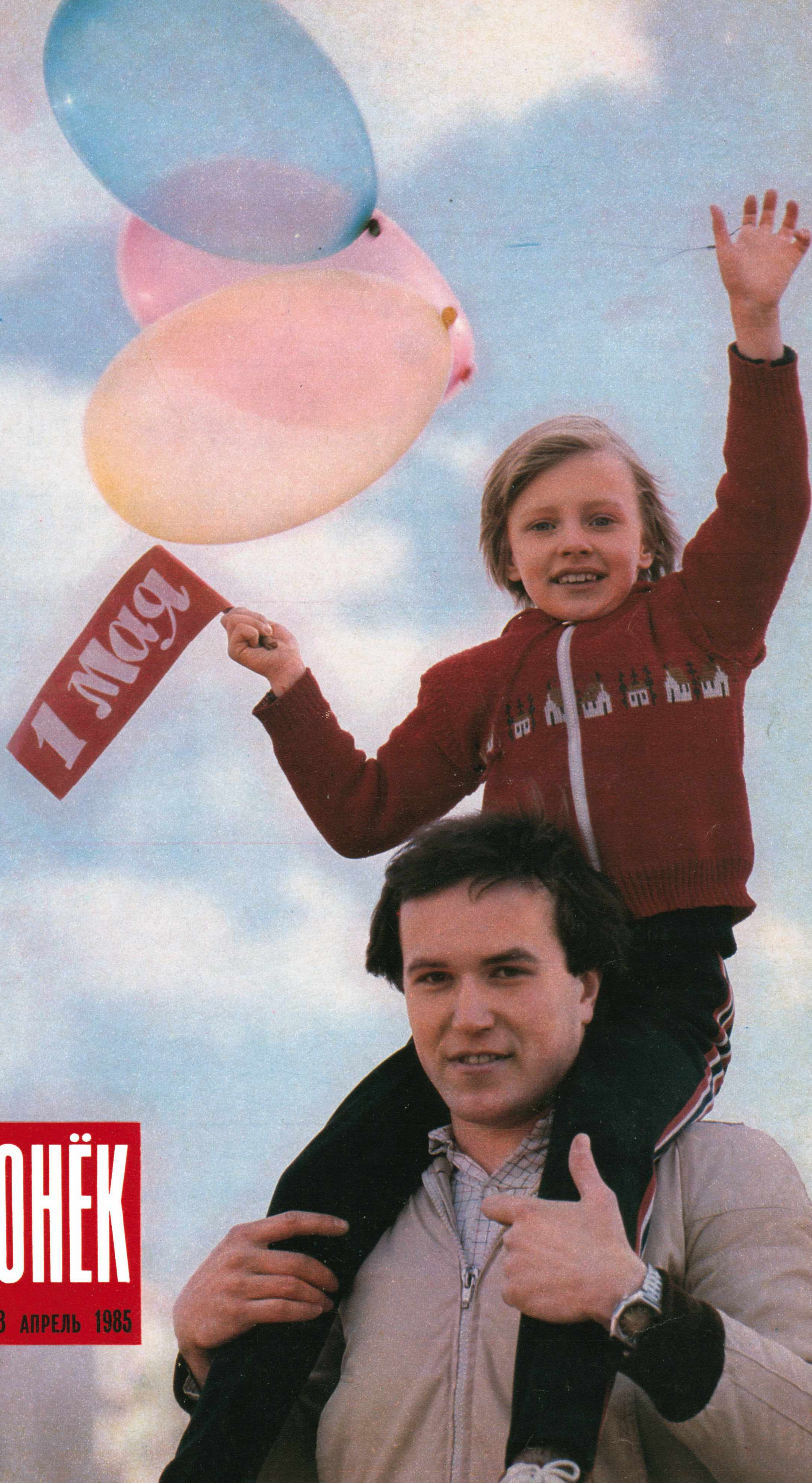

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 18 АПРЕЛЬ 1985

ИНФОРМАЦИОНН

О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММ

23 апреля 1985 года состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. На Пленуме с докладом «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением» выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

В прениях по этому вопросу выступили тт. В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины, В. В. Гришин — первый секретарь Московского горкома КПСС, Д. А. Кунаев — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, В. И. Воротников — председатель Совета Министров РСФСР, Э. А. Шеварднадзе — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, Л. Н. Зайков — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Е. И. Климченко — слесарь-инструментальщик производственного объединения «Минский тракторный завод» имени В. И. Ленина, К. Г. Вайно — первый секретарь ЦК Компартии Эстонии, А. П. Филатов — первый секретарь Новосибирского обкома КПСС, В. К. Ме-

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦЕН

О СОЗЫВЕ ОЧЕРЕДНОГО

Заслушав и обсудив доклад Генерального секретаря ЦК КПСС т. Горбачева М. С. «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением», Пленум Центрального Комитета КПСС постановляет:

1. Созвать очередной XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1986 г.

2. Утвердить следующий порядок дня съезда:

1) Отчет Центрального Комитета КПСС и задачи партии — докладчик Генеральный секретарь ЦК КПСС т. Горбачев М. С.

2) Отчет Центральной ревизионной комиссии КПСС — докладчик председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС т. Сизов Г. Ф.

3) О новой редакции Программы КПСС.

4) Об изменениях в Уставе КПСС.

5) Об Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на перспективу до 2000 года — докладчик Председатель Совета Министров СССР т. Тихонов Н. А.

6) Выборы центральных органов партии.

3. Установить норму представительства на XXVII съезд КПСС: один делегат от 3670 членов партии.

4. Делегаты на XXVII съезд КПСС избираются согласно Уставу партии закрытым (тайным) голосованием на областных, краевых партийных конференциях и съездах компартий союзных республик. Выборы делегатов на XXVII съезд КПСС от компартий Украины, Белоруссии, Узбекистана и Казахстана проводятся на областных партийных конференциях.

Коммунисты, состоящие в партийных организациях Советской Армии, Военно-Морского Флота, внутренних и пограничных войск, избирают делегатов на XXVII съезд КПСС вместе с соответствующими территориальными партийными организациями на областных, краевых партконференциях или съездах компартий союзных республик.

Коммунисты, состоящие в партийных организациях частей Советской Армии и Военно-Морского Флота, находящихся за границей, избирают делегатов на XXVII съезд КПСС на партийных конференциях соответствующих войсковых соединений.

Член Политбюро ЦК КПСС
ЛИГАЧЕВ Егор Кузьмич

Тов. Лигачев Е. К. родился в 1920 году, русский, член КПСС с 1944 года. Окончил Московский авиационный институт имени С. Орджоникидзе и Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

После окончания института работал на инженерных должностях на авиационном заводе в г. Новосибирске, избирался первым секретарем Новосибирского обкома ВЛКСМ.

С 1949 года на партийной и советской работе. Был заведующим отделом горкома партии, заместителем председателя облисполкома, первым секретарем райкома, заведующим отделом и секретарем Новосибирского обкома КПСС.

В 1961—1965 годах работал заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации, заместителем заведующего Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР. С 1965 года — первый секретарь Томского обкома партии.

В апреле 1983 года утвержден заведующим Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС. На декабрьском (1983 г.) Пленуме ЦК избран секретарем Центрального Комитета КПСС.

Е. К. Лигачев с 1966 года кандидат в члены ЦК, а с 1976 года — член ЦК КПСС. Депутат Верховных Советов СССР (7—11 созывы) и РСФСР.

Член Политбюро ЦК КПСС
РЫЖКОВ Николай Иванович

ОЕ СООБЩЕНИЕ

УНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

сяц — министр сельского хозяйства СССР, А. В. Власов — первый секретарь Ростовского обкома КПСС, П. Н. Федосеев — вице-президент Академии наук СССР, Б. В. Бальмонт — министр станкостроительной и инструментальной промышленности.

Пленум принял по докладу М. С. Горбачева постановление, которое публикуется в печати.

Пленум ЦК КПСС рассмотрел организационные вопросы.

Пленум ЦК перевел В. М. Чебрикова из кандидатов в члены Политбюро ЦК, избрал секретарей ЦК КПСС Е. К. Лигачева и Н. И. Рыжкова членами Политбюро ЦК.

Пленум ЦК избрал члена ЦК КПСС, министра обороны СССР С. Л. Соколова кандидатом в члены Политбюро ЦК, члена ЦК КПСС В. П. Никонова — секретарем ЦК КПСС.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

ТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

XXVII СЪЕЗДА КПСС

5. Провести предшествующую XXVII съезду КПСС отчетно-выборную кампанию в следующие сроки: собрания в первичных партийных организациях — в сентябре — ноябре; районные, городские, окружные партийные конференции — в ноябре — декабре с. г.; областные, краевые партийные конференции — в декабре 1985 — январе 1986 гг.; съезды компартий союзных республик — в январе — начале февраля 1986 г.

6. На отчетно-выборных собраниях, конференциях, съездах компартий союзных республик глубоко и всесторонне рассмотреть проделанную работу по выполнению решений XXVI съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС, обстоятельно обсудить вопросы партийного руководства хозяйственным и культурным строительством, состояние организационно-партийной, идеологической работы.

В ходе отчетно-выборной кампании необходимо сосредоточить усилия партийных организаций, трудовых коллективов на успешном завершении 1985 года и одиннадцатой пятилетки в целом, своевременной и качественной подготовке к выполнению планов двенадцатой пятилетки, решении ключевых проблем экономического и социального развития, всемерной интенсификации производства на основе широкого внедрения достижений научно-технического прогресса, совершенствования планирования и управления, укрепления организованности, дисциплины и порядка во всех звеньях народного хозяйства. Обеспечить авангардную роль коммунистов в развертывании предсъездовского социалистического соревнования, деловую поддержку ценных начинаний, направленных на выявление и лучшее использование внутренних резервов.

Партийные собрания, конференции и съезды должны проходить в обстановке деловитости, принципиальности, самокритичного подхода к оценке работы парторганизаций и их руководящих органов. Важно, чтобы отчеты и выборы содействовали дальнейшему упрочению ленинских норм партийной жизни, развитию внутрипартийной демократии, критики сверху и снизу, росту активности и инициативы коммунистов, повышению их ответственности за дела своих организаций и партии в целом.

Центральный Комитет КПСС выражает твердую уверенность в том, что подготовка к XXVII съезду КПСС пройдет на высоком организационном и идейно-политическом уровне, под знаком тесной сплоченности партийных рядов, нерушимого единства партии и народа.

Тов. Рыжков Н. И. родился в 1929 году, русский, член КПСС с 1956 года. Окончил Уральский политехнический институт имени С. М. Кирова.

Трудовую деятельность начал в 1950 году сменным мастером Уральского завода тяжелого машиностроения имени С. Орджоникидзе, был здесь начальником пролета, начальником цеха, главным сварщиком, заместителем директора, а с 1965 года — главным инженером. С 1970 года Н. И. Рыжков — директор этого завода, а затем генеральный директор производственного объединения «Уралмаш».

В 1975 году назначен первым заместителем министра тяжелого и транспортного машиностроения, а в 1979 году — первым заместителем председателя Госплана СССР.

На ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Н. И. Рыжков избран секретарем Центрального Комитета КПСС. Одновременно он является заведующим Экономическим отделом ЦК КПСС.

Н. И. Рыжков с 1981 года член ЦК КПСС. Депутат Верховных Советов СССР (9—11 созывы) и РСФСР. Дважды лауреат Государственной премии СССР.

Член Политбюро ЦК КПСС
ЧЕБРИКОВ Виктор Михайлович

Тов. Чебриков В. М. родился в 1923 году, русский, член КПСС с 1944 года. Окончил Днепропетровский металлургический институт.

С первых дней Великой Отечественной войны находился на фронте: был рядовым, командовал взводом, ротой, батальоном на Юго-Западном, Сталинградском, Воронежском, Степном, 1-м и 4-м Украинских фронтах.

После войны, окончив институт, работал инженером на Днепропетровском металлургическом заводе имени Петровского. С 1951 года на партийной работе. Был первым секретарем райкома, парторгом ЦК КПСС на заводе, вторым и первым секретарем горкома, секретарем, вторым секретарем Днепропетровского обкома партии.

С 1967 года В. М. Чебриков — начальник управления кадров, затем заместитель, первый заместитель председателя КГБ СССР. В декабре 1982 года назначен председателем Комитета государственной безопасности СССР, генерал армии.

С 1971 года — кандидат в члены ЦК, а с 1981 года — член ЦК КПСС. На декабрьском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС В. М. Чебриков избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Депутат Верховных Советов СССР (9—11 созывы) и РСФСР. Лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического Труда.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВОТА ИДЕЙ И ДЕЛА ЛЕНИНА

22 апреля в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, состоялось торжественное заседание, посвященное 115-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Здесь собрались передовики производства столицы и Подмосковья, ветераны КПСС, представители партийных, советских и общественных организаций, деятели науки и культуры, воины Советских Вооруженных Сил. Присутствуют иностранные дипломаты, зарубежные гости.

17 часов. Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя участники торжественного заседания встретили товарищей М. С. Горбачева, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Д. А. Кунаева, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, В. М. Чебрикова, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, Е. К. Лигачева, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

В президиуме также заместители Председателей Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, председатели палат Верховного Совета СССР, министры СССР, секретари МГК и МК КПСС, ветераны ленинской партии, передовики производства, видные ученые, деятели культуры, военачальники, представители общественных организаций.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Под сводами дворца торжественно звучит Гимн Советского Союза.

С докладом «Историческая правота идей и дела Ленина» выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев.

Доклад был выслушан с большим вниманием и сопровождался продолжительными аплодисментами.

Участники торжественного заседания стоя, с воодушевлением исполнили «Интернационал».

Затем состоялся большой праздничный концерт.

Торжественное заседание, посвященное 115-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Фото А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (3015)

27 АПРЕЛЯ—4 МАЯ

Красная суббота — праздник труда

Многие десятки миллионов советских людей, следуя славной традиции отмечать день рождения Владимира Ильича Ленина ударным трудом, вышли 20 апреля на коммунистический субботник. В фонд пятилетки, на сооружение Мемориала Победы на Поклонной горе в столице нашей Родины выдано немало продукции, перечислены значительные средства.

1

2

3

1

План четырех лет и девяти месяцев завершила на празднике труда бригада слесарей-сборщиков объединения «Невский завод» имени В. И. Ленина в составе А. Голубева, В. Зверева, С. Богомолова и Н. Большакова (бригадир — крайний справа).

2

Отлично трудился в день субботника коллектив Гиджуванской прядильной фабрики (Узбекистан). Полторы нормы за смену выполнила комсомолка М. Маджидова.

3

Свыше четырех тысяч рублей, заработанных на субботнике, перечислили в фонд пятилетки труженики колхоза имени Мичурина Алма-Атинской области. Секретарь парткома С. Чумаков поздравляет бригаду ремонтников В. Дидковского с ударной работой.

Фото ТАСС

ПАНОРАМА

МЕЖДУНАРОДНАЯ

ПАНОРАМА

США 1

На заводах американской автомобильной корпорации «Дженерал моторс» по решению руководства объединенного профсоюза автомобильной, аэрокосмической промышленности и сельскохозяйственного машиностроения началась забастовка. Этот шаг предпринят рабочими после того, как администрация компании отказала представителям профсоюзов удовлетворить требования трудящихся о повышении заработной платы и улучшении условий труда.

На снимке: рабочие штата Калифорния поддерживают бастующих.

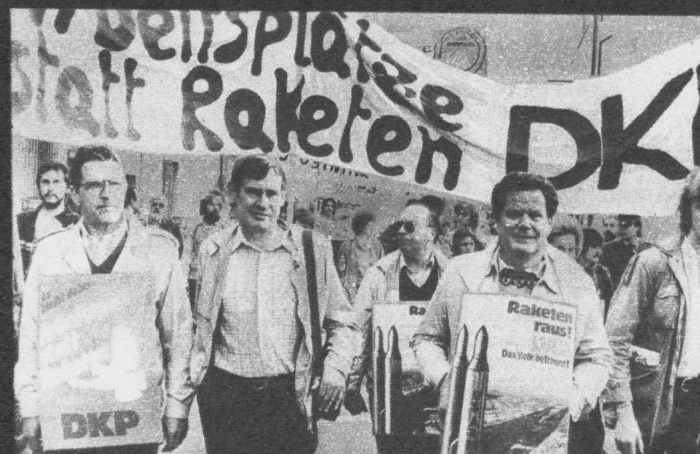

1

ФРГ 2

Западногерманские коммунисты — самые активные участники растущего в стране антивоенного движения. «Рабочие места вместо ракет!» — под таким лозунгом прошли члены ГКП в колоннах весенних «маршей мира», ставших ярким выражением протеста прогрессивной общественности против размещения американского ядерного оружия, против безудержной гонки вооружений и непрекращающейся массовой безработицы.

На снимке: среди манифестантов в рабочем Руре председатель Германской компартии Герберт Мис (второй справа).

2

ЯПОНИЯ 3

В трудной и упорной борьбе трудящиеся Японии отстаивают свое право на труд. В городе Хакодате (остров Хоккайдо) состоялась массовая демонстрация солидарности с борьбой рабочих местных судоверфей против увольнений. По призыву генерального совета профсоюзов Японии (СОХИО) в ней приняли участие тысячи трудящихся, прибывших сюда со всех концов страны.

Причиной острого трудового конфликта между судостроителями и владельцами верфей стало решение администрации выставить за ворота предприятий 790 человек, практически каждого второго рабочего. В ответ на это действующий на верфях профсоюзный комитет при содействии СОХИО в короткие сроки создал фонд помощи семьям уволенных; свыше 355 тысяч трудящихся поставили свои подписи под требованием об отмене решения хозяев верфи. Столкнувшись со столь мощным сопротивлением, администрация была вынуждена заявить о временной отсрочке увольнений.

На снимке: во время демонстрации.

3

АНГЛИЯ 4

Британские сторонники мира в рамках традиционной весенней кампании в защиту нашей планеты проводят по всей стране массовые манифестации. По призыву движения за ядерное разоружение тысячи англичан вливаются в колонны участников сразу нескольких «маршей мира», организованных в различных городах Великобритании. Их маршруты сходятся у базы ВВС в Моулзуорте (графство Кембриджшир), где правительство консерваторов запланировало вскоре начать размещение новых партий американского ракетно-ядерного оружия первого удара.

На снимке из газеты «Морнинг стар»: участники «марша мира» направляются к базе ВВС в Моулзуорте.

4

Фото АП—ТАСС

ПОРТУГАЛИЯ 5

Демократические силы Португалии продолжают решительную борьбу в защиту своих прав. Они выступают против правительственной политики «жесткой экономии», ведущей к массовым увольнениям, снижению уровня жизни, росту инфляции. Участники демонстраций и митингов, проходящих во многих городах страны, требуют неотложного решения насущных проблем рабочих, улучшения условий труда.

На снимке: манифестация в Лиссабоне.

5

ЧИЛИ 6

В стремлении задушить борьбу чилийского народа против диктаторского режима фашистская хунта ужесточает террор в стране. Введение осадного положения, строжайшая цензура прессы, ссылка в концлагеря политических и профсоюзных активистов — такими средствами диктатура пытается подавить народные выступления. Однако чилийский народ не сломлен. Демократические силы полны решимости продолжать борьбу за свободу.

На снимке из журнала «Штерн»: расправа с противником режима.

6

Прага, 9 мая 1945 года

При Омском профтехучилище № 3 создан музей боевой славы войск 2-го Украинского фронта. Среди экспонатов музея есть фотоснимок, сделанный жителем Праги Войтехом Гудером 9 мая 1945 года: на танке своеобразный «десант» — чехословацкие патриоты со своим национальным флагом и наши воины.

Этот снимок Войтех подарил на память гвардии капитану Сырьеву Павлу Михайловичу, заместителю начальника связи штаба 9-го гвардейского мехкорпуса 6-й гвардейской танковой армии, участвовавшей в освобождении Праги.

С. ШАВИН,
секретарь совета ветеранов Степного, 2-го Украинского и Забайкальского фронтов

г. Омск.

ГЕРОИ ЖИВУТ В ПЕСНЯХ

Бедрос КИРКОРОВ,
болгарский певец

Огнян Найдов.

«Кто в грозной битве пал за свободу — не умирает...» Нет болгарина, который не знал бы этих слов Христо Ботева, поэта и революционера. Знал их и Огнян Найдов, боец 1-й гвардейской мотострелковой Пролетарской дивизии. Как и его великий соотечественник, он был всем сердцем предан революции и тоже писал стихи.

Сегодня мы читаем слова Христо Ботева на памятнике Огняну, который погиб под Наро-Фоминском в октябре сорок первого.

В СССР Огнян попал ребенком. Его отец, Георгий Михайлов Добрев, был коммунистом, участником Сентябрьского восстания 1923 года, воевал в Испании. В Советском Союзе отец жил под фамилией Найдов-Железов. Его сыновья — близнецы Огнян и Кремен — учились в московской школе, поступили в институты.

Братья добивались разрешения служить в Красной Армии, писали письмо К. Е. Ворошилову. Их просьба была удовлетворена. Война застала близнецов бойцами Пролетарской Московской стрелковой дивизии. Огнян погиб, защищая Москву. Кремен был тяжело ранен, потерял ногу.

Огнян любил поэзию и еще мальчишкой пробовал писать:

Гложет, папа, меня обида
И волнует один вопрос:
Я сражаться хочу под
Мадридом,
Ну, а мне говорят:
«Не дорос!
Для тебя еще будет буря,
Будет храбрая должность
бойца...»

Это строки из его дневника 1937 года. Дневник Огняна хранится в музее 45-й московской школы. Его передал туда директор школы Леонид Исидорович Милгран, который дружит с третьим братом — Чавдаром Найдовым. Школьники нашли место, где захоронен Огнян, собрали деньги на памятник, сами сделали бетонное основание, а бывший ученик Леонида Исидоровича Георгий Фрунгулян изваял бюст героя. Такой же мемориал стоит на родине Найдовых, в болгарском городе Кнеже.

Имя Огняна Найдова носит советское судно.

Историю памятника Огняну я узнал, когда приехал с концертом в Наро-Фоминск. Это был один из пятнадцати моих концертов в честь сороколетия социалистической революции в Болгарии и сороколетия Победы. Гонорар от них — 1995 рублей я перечислил на строительство монумента Победы в Москве на Поклонной горе.

Родилась и песня, посвященная Огняну. Музыку написал однополчанин братьев Найдовых композитор Борис Карахан. Он был связистом, а Огнян — командиром саперного взвода в 1-й гвардейской мотострелковой Пролетарской дивизии. А текст песни сочинил поэт Вениамин Нежданов. Его мать служила санитаркой в той дивизии.

Стоит в болгарском городе Пловдиве памятник советскому солдату-освободителю. Его ласково называют Алешей. Так звали и Огняна его товарищи, вместе с которыми он защищал Москву.

«Клятва Эльбы»

Владимир СИМОНОВ

Лерой Уолинс, в общем, доволен своей судьбой. Лишь в одном ему, как он сам считает, не повезло в жизни — не довелось обнять русского солдата в апреле 1945-го на берегу Эльбы. Вот Джо Половский, тот с русскими там встретился. И Уолинс хорошо помнит, что произошло потом с его другом. Половский вернулся с войны в родной Чикаго потрясенным, а точнее сказать, каким-то просветленным: он, Джозеф Половский, несет личную ответственность за судьбу американо-советских отношений.

Уолинс хорошо помнит, как жил-поживал дальше его друг Джо.

Сначала Половский поступил в Чикагский университет. Доучился до 1947-го, и все! Тут грянула другая война — «холодная». На глазах у Джо мракобесы-маккартисты стали громить все доброе, все ценное в отношениях Америки с Советским Союзом, что было завоевано совместной борьбой против Гитлера и освящено встречей на Эльбе.

За что же он, Половский, проливал кровь? За что рисковал жизнью? Ветеран бросает учебу в университете и целиком отдает себя сохранению памяти о военном союзе двух армий, двух народов.

А как ее сохранить? Половский не знает. Сначала он просто выходит каждый год 25 апреля на берег Чикаго-Ривер и несет там вахту в честь встречи на Эльбе. Горожане идут мимо, смотрят на одинокую фигуру, спрашивают друг друга, кто это, читают заметки об этой странной вахте в газетах и задумываются: а ведь действительно, разве можно ставить крест на боевом взаимопонимании русских и американцев? Мазать черной краской бывших союзников, как это делают маккартисты?

Лерой Уолинс прекрасно помнит, что еще предпринял тогда его друг Джо.

Он составил документ «клятва Эльбы». Там говорилось о том, что историческая встреча советских и американских воинов на берегу далекой европейской реки совпала с другой вехой истории — созданием на конференции в Сан-Франциско Организации Объединенных Наций. Случайность? Нет, считает чикагский ветеран. В совпадении он видит глубочайший смысл: спокойствие и безопасность человечества в неизмеримой степени зависят от того, какими будут отношения страны — лидера Запада со страной — лидером социалистического мира.

Память об Эльбе нельзя вытравить охотой на «красных»! Половский убежден в этом. Ветеран воюет с антикоммунизмом с той же отвагой, с какой воевал против Гитлера. В 1949 году по его, Половского, инициативе ряд делегаций вносят в ООН резолюцию, где предлагают объявить день встречи на Эльбе международным днем мира.

В атмосфере ненависти ко всему советскому, какая раздувалась тогда в США, это стало событием. Радостный день для ветерана! Он идет со своей новостью на радио, в газеты, в студенческую газету Чикагского университета, где редактором был тогда молодой Лерой Уолинс. С той минуты и началась их многолетняя и сплоченная общими идеалами дружба.

В Америке принято давать клятву на библии. О Лерое Уолинсе и Джозефе Половском можно сказать так: их библией стала «клятва Эльбы». На этом документе два чикагца поклялись друг другу посвятить свои жизни защите и расцвету взаимопонимания между народами Америки и Советского Союза.

— Конечно же, я опубликовал тогда в нашем студенческом листке статью о Половском и его одиссее,— рассказывает мне Уолинс.— Ох, и опасное это было дело! Осведомители комиссии по расследованию антиамериканской деятельности подслушивали и подглядывали буквально в каждую замочную скважину! Любое доброе слово о Советах могло кончиться плохо...

Уолинса из-за того, что он призывал в своих статьях не забывать Эльбу, отправили на войну в Корее. Вот, мол, тосковал, что не удалось повоевать вместе с русскими против Гитлера,— постреляй-ка теперь в Азии в своих коммунистов! К счастью, как раз в это время авантюра США в Корее захлебнулась. Корабль, на котором Уолинса собрались было везти на войну, так и не отошел от американских берегов. Лерой вернулся домой и в ворохе почты нашел письмо от Половского.

— Джо писал, что 25 апреля 1955 года исполняется десятая годовщина Эльбы,— вспоминает мой собеседник.— Маккарти к тому времени сошел со сцены. Политическая погода немного потеплела, и мой друг спрашивал: а не можем ли мы как-то отметить юбилей?

И они придумали. 25 апреля 1955 года собрали в Вашингтоне 13 американских ветеранов встречи на Эльбе, потом Половский повез восьмерых из них в Москву. Эта поездка и ответный визит советских боевых друзей в какой-то степени затормозили маховик вражды к СССР.

В 1966 году Половский и Уолинс создают в Чикаго организацию «Ветераны за мир», выступающую за возрождение «духа Эльбы» в странах антигитлеровской коалиции.

— Ветераны лучше многих других знают, какое это несчастье — война. Поэтому кому, как не им, крепить мир,— объясняет мне Уолинс.— Но у нашей организации есть и другая цель. Мы хотим донести до американцев мысль о том, что борьба за мир — это патриотично. Как ни странно, у нас это надо втолковывать и втолковывать! Рейган и его люди постарались создать дурную репутацию движению за мир, будто бы оно непатриотично, будто прислуживает кому-то за рубежом. Мы же, ветераны, говорим, что движение за мир, частью которого мы являемся,— это не сборище трусов, шпионов или дезертиров, это самое патриотическое движение в нашей стране! И когда мы выходим на антивоенные демонстрации с американским флагом, то народ это понимает...

К началу 80-х годов «Ветераны за мир» приобрели общенациональную известность. Вот только Джо Половский уже не появлялся ни на митингах, ни на демонстрациях. Расцвет организации застал ее основателя на смертном одре.

Старого солдата загоняло в могилу, сжигало, опустошало, терзало понимание того, что администрация Рейгана чуть ли не сознательно идет к конфронтации с Советским Союзом. А у него, Джозефа Половского, нет сил пошевелить пальцем, чтобы остановить беду. Или есть? И Половский решает: пусть оружием борьбы за мир будет его собственная смерть. Он завещает похоронить себя на Эльбе.

Власти поспешили предупредить умирающего: никакой финансовой помощи на перевоз гроба с твоими останками не жди! Кровь, которую ты проливал в сороковых, не стоит ни цента. Хорони себя, дорогой наш ветеран, за свой счет!

Но час пришел — и завещание исполнили: Лерой Уолинс и его друзья собрали нужные деньги. В серый, дождливый день три американских и три советских офицера пронесли гроб, накрытый звездно-полосатым флагом, по улицам городка Торгау, что на Эльбе. Джозеф Половский вернулся туда, где началось его святое служение советско-американской дружбе. А значит, и делу предотвращения еще одной, теперь уже последней войны.

Его поступок потряс думающую Америку, особенно тех, кому довелось повоевать на разных фронтах. В ряды «Ветеранов за мир» влились новые тысячи членов. Сейчас, с приближением 40-летия Победы, и активисты этой организации, и даже те бывшие американские воины, кто раньше никогда не участвовал в антивоенных протестах, вновь объединились вокруг заветной мечты Джо Половского — торжественно отметить юбилей встречи на Эльбе.

— Эта идея принадлежит не только нам, она стала поистине всеамериканской,— говорит Лерой Уолинс, возглавляющий сегодня «Ветеранов за мир».— Я живу в глубинке, почти в лесу, в штате Мичиган, но мой телефон звонит не переставая. Сенаторы Чарльз Метайес и Спарк Матсунаги, активисты антивоенных групп, ветераны разных войн, просто американцы, которые в суете мирской не забывают думать о главном, о спасении человечества от ядерной войны,— все они говорят: да, так и нужно сделать! Надо помянуть день солдатских объятий на Эльбе как большой праздник. Велик интерес к нашим планам и за рубежом. Мне звонят репортеры европейских телестанций, режиссеры документального кино. Просят помочь в подготовке программ, посвященных 40-летию союзнической победы.

Эльба — это не только история, не только воспоминание. Это наше будущее. Сенатор Метайес написал в газете «Вашингтон пост»: «Воспоминания о том, как мы, Америка и Советский Союз, сражались бок о бок, могут воздвигнуть новый барьер против того, чтобы сражаться лицом к лицу». Лучше не скажешь...

— Значит, у законодателей тоже растет понимание того, что пройти мимо юбилея Эльбы — это пройти мимо шанса на разрядку?— спрашиваю я.

— Без сомнения,— подтверждает Уолинс.— Штаб организации «Ветераны за мир» находится как раз напротив здания, где в Чикаго размещаются федеральные власти. Только сегодня я виделся там с сенатором Полом Саймоном, с помощниками сенатора Диксона и некоторыми конгрессменами. Все они аплодируют нашей идее! И Роберт Доул, лидер республиканского большинства в сенате, прислал нам письмо с выражением поддержки.

— А как еще, по-вашему, можно было бы почтить 40-летие встречи на Эльбе?

— Что решит администрация и решит ли, я не знаю. Мы же, я имею в виду ветеранов, отправляемся в большую юбилейную поездку, которую назвали «путешествие во имя мира». Начнем ее в Вашингтоне. Встретимся там с конгрессменами, возложим венок к могиле Неизвестного солдата на Арлингтонском национальном кладбище. Потом приедем в Нью-Йорк, чтобы посетить ООН: ведь этот международный форум — дитя победы. Затем через Амстердам — в ГДР, проведем памятный день 25 апреля у городка Торгау, на Эльбе. Там мы встретимся с советскими ветеранами. Будем беседовать и о прошлом, и о будущем. Затем вместе отправимся в Советский Союз. После поездки по местам главных сражений с фашизмом встретим День Победы в Москве...

Соб. корр. АПН — специально для «Огонька».

Нью-Йорк.

Пока мы беззаветно любим

Владимир ФИРСОВ

●

Под мягким светом
Глубины небес,
Что жидкими укрыта облаками,
Расплывчато
Вдали
Синеет лес,
Синеют шапки снега
Над стогами...

Печален вид
Окинутых полей.
Убогая,
Казалось бы,
Природа...
Одно я знаю:
В мире нет милей
Моей земли
В любое время года...

Печаль полей...
Но скроется луна,
И сердце станет биться так,
Как бьется.
Печаль пройдет.
И сникнет тишина
Под скрип калиток,
Под напев колодцев,
Подойники
Протяжно
Зазвенят,
Настанет время
Миру просыпаться,
Мычаньем новорожденных
телят
Проснувшиеся избы
Огласятся.

В рассвете тусклом
Потекут дымки
Под звезды,
Что погаснуть не успели.
И ребятишки
Встанут на коньки,
На те, что поостынуть не
успели.

Но этот час
Пока что впереди.
И дышат дали
Сизою тоскою...
Прошу луну:
— Скорее заходи,
И я тревогу в сердце
Успокою.

●

Люблю дожди
И неба синеву.
Бываю сильным и бываю
слабым.
Не жалуюсь на жизнь,
Пока живу,
Ведь жизнь есть жизнь,
Какою ни была бы.

Ну кто услышит жалобы твои!
Живу, осознавая, между
прочим:
У каждого
Заботы есть свои,
И всяк своею жизнью
Озабочен.

У каждого из нас
Своя семья,
Есть свой фасад,
И есть свои задворки.
Рубаха есть у каждого
Своя,
Как говорится в русской
поговорке.

Есть свой успех,
И есть свой неуспех,
Своя удача
Рядом с неудачей.
У каждого есть свой,
Особый смех,
Свой плач,
Что рядом
С беспричинным плачем.

У каждого свои
Печаль и боль.
И мыслей строй,
Пусть даже и расхожий.
У каждого из нас
Своя любовь,
Что на другую
Явно не похожа.

У каждого
Свое на языке,
Свои сомненья
Рядом с верой в друга.
Да, люди,
Мы не спички в коробке
И, к счастью,
Не похожи друг на друга.

Но всех
Объединяет слово «жизнь».
А жизнь есть жизнь,
Какою ни была бы...

И верный друг мне говорит:
— Держись!
Держись,
Когда бываешь в жизни
слабым.

ВИШНЕВАЯ МЕТЕЛЬ

Снова вишня
Отцветает,
Время — что ни говори.
С редких яблонь
Облетает
Розоватый свет зари.

К покосившемуся дому,
Где любимая жила,
То ль сердечная истома,
То ли память привела....

Рядом с домом на опушке,
В позабытой мной тиши
Накукуй года,
Кукушка,
Накукуй,
Наворожи.

Солнце бревна прогревает,
Поостывшие за ночь...
Мне кукушка
Не внимает,
Улетела, вижу, прочь.

Вот и годы пролетели,
На душе оставя след,
Под вишневые метели
И под яблоневый цвет.
Под горячую гармошку,
Под лихого «гусачка»,
Под частушки
Под окошком
Возле дома лесника...

Приворотны были ночки,
Собирали полсела.
Был богат лесник:
Три дочки.
Их лесничиха
Блюла.

Я одну из них
Своею
Втайне гордо величал.
Но, признаться в том не смея,
О любви своей
Молчал.

Просто с нею мы дружили,
Целовались
До зари.
Просто молодо мы жили,
Время — что ни говори!

Просто молодость томила.
В лунных щелях — сеновал.
Я ее однажды
Милой
И любимою
Назвал.

А лесничиха
Блюла.
Ох, суровая была!
И однажды нас
Ухватом
С сеновала прогнала.

Как награда
За любовь
Долго ныла
В сердце боль...

И уехал я учиться
Под веселый листопад.
Обещал на ней жениться
И жениться был бы рад.

И она мне
Поначалу
Слово твердое дала.
Обещать —
Пообещала.
Только замуж не пошла.

Не сдержала, значит, слова,
Что шептала до зари.
Просто вышла за другого,
Время — что ни говори...
Вот стою я возле дома,
Опустевшего давно.
На меня глядит
Знакомо
То же самое окно.

Только то окно
Забито,
Словно память
О забытом.
И занозиста
Тоска,
Как на том окне
Доска...

И однажды
На опушке
Вишня разом отцвела,
Куковала мне кукушка,
Наговаривала:

— Не грусти.
Ку-ку, ку-ку.
Отпусти
Свою тоску,

Не держи ее,
Как птицу
Держат в клетке расписной.
Светлой радостью
Лучится
Мир, озвученный весной.

Я одна за всех
Тоскую.
Потолкую. Помолчу.
Хочешь, радость накукую?..
И ответил я:
— Хочу.

И кукушка куковала
Так, что радость сердце жгла.
Годы счастья навевала.
При-го-ва-ри-ва-ла:

— Не тоскуй, ку-ку, о
прошлом,
Никого в нем не вини.
Помни только о хорошем,
Забывай печали дни.

Будь к чужой беде
Участлив,
Отчий край не обходи,
Что гадать тебе!
Ты счастлив
Тем, что счастье
Впереди!
Утолишь ты сердца жажду

Е. Моисеенко. Род. 1916. ПОГОЖИЙ ДЕНЬ. 1984.

Художественная выставка «Земля и люди».

Т. Салахов. Род. 1928. УТРЕННИЙ АПШЕРОН.

Художественная выставка «Земля и люди».

И любовь познаешь всласть
С той, которая
Однажды
Для тебя лишь родилась.

С ней вас годы не состарят.
Будет верною
Жена.
Сыновей тебе подарит
С криком радости она.

Будь достоин светлой доли,
Ведь она,
Тебя любя,
Будет все прощать
И холить
Непутевого тебя.

Пред людьми,
Бродя по свету,
Провинившись, повинись.
Славным будешь ты поэтом,
Но за славой
Не гонись.

А к тому,
К чему возврата
В этой жизни не дано,
Возвращаться вряд ли надо,
Как в повторное кино...

Много раз пылила вишня...
И кукушка на суку
Как гадала,
Так и вышло
Под веселое ку-ку.

Сколько б лет ни пролетало,
Все дивлюсь своей судьбе:
То ль кукушка мне гадала,
То ль гадал я сам себе.

●

Ты говоришь:
— Как быстротечно время!..—
И жадно сигаретою дымишь.
Ты говоришь:
— Любимая стареет,
Вернее, постарела,—
Говоришь...
И смотришь взглядом,
До сих пор умелым,
На молодых, хорошеньких
девчат,
Что смотрят нам в глаза
Уж больно смело,
Их не страшит,
Что нам по пятьдесят.

Тяжел твой взор
И седина туманна,
Как во поле увядшая трава...

Любимая стареет...
Горько, странно
Мне слышать эти страшные
слова.

Но могут ли состариться
Объятья,
Молчание
И шепот в тишине?..
Любимая!
Священное понятье
Сама судьба пожаловала мне.

Меня с моей любимой
Повенчали
Заботы,
Беды,
Праздники страны.
И потому
Обиды и печали
Мне с ней в дороге
Не были страшны.

Мы вместе прошагали
Четверть века
Сквозь буреломы
Разных лет и дней.
И если я душой не стал
калекой,
То этим
Я обязан
Только ей.

Я только ей одной
Обязан словом,
Добром,
Что ныне людям раздаю.
Она —
Моя нетленная основа,
Я лишь о ней
В стихах своих пою.

И с ней
Мою тревогу
И дорогу,
Беспечные,
Мы делим на двоих.

Любимые
Состариться не могут,
Пока мы беззаветно любим их.

●

Осень воду высветляет,
Высветляет реки.
Даже душу высветляет
Осень
В человеке.
Неба матовая просинь —
Словно в зиму двери.
И душа покоя просит,
В тишину поверя.

В скирдах солнечной соломы —
Летняя истома.
Доброта людская
К дому
Приведет к родному.

Мир людской
Не обездолен
Добротой на лицах.
Тишина над бывшим полем
Скошенной пшеницы...

Доброта тебя
Приветит.
А людская милость
Боль твоих утрат
Приметит,
Что в душе скопилась.

Здесь тебя
И обласкают
И поймут тревогу —
Ту, которая веками
Нас зовет в дорогу.
Будешь речь родную слушать
И, покой почуя,
Убедишься вновь,
Что душу
Только здесь врачуют.

Вздуют баню возле речки
С веником июня.
И тепло родимой печки
Прямо в душу дунет.

И повеет сладкой дремой,
И тревоги канут
За порог родного дома,
В спелые туманы.
Ты очистишься душою,
Вновь восхвалишь осень
За добро,
За все большое,
Что она приносит.

И потом,
Простясь со всеми,
Ты с душою светлой
Вновь добро захочешь сеять
По людскому свету...

Осень воду высветляет,
Высветляет реки.
Даже душу высветляет
Осень
В человеке.

●

Полевые цветы, луговые!
Перелески
В знакомых цветах...
Где-то здесь
Ощутил я впервые
Теплый мед на девичьих устах.

— Целовались?
— Да как целовались!
Под понятливой тенью ветлы.
— Миловались?
— Да как миловались,
Мы ведь были друг другу
Милы.

Эту милость сердец и природы
Я в душе, как цветенье, храню
И безгрешные
Юные годы
Во грехах никогда не виню.

●

В пределах дня,
В пределах ночи
Бывает всякое в пути.
— Прости!..
Но ты простить не хочешь.
И все ж я вновь прошу:
— Прости!..
Хоть от прощений ты устала,
Вновь виновато говорю:
— Прости, как много раз
прощала,
Взамен
Надежду подарю.

Живи с надеждою, как прежде,
И только с ней держи совет,
Ведь нет прощенья
Без надежды,
Надежды
Без прощенья нет

●

Последний луч
В безветрии погас.
Последний лист
Неслышно стек с березы.
И в сутеми
Повеяло на нас
Безжизненной
И безнадежной прозой.

Покинуто
Печалились леса.
Поля пустыней вечною
Казались.
И на год постаревшие
Глаза
Безмолвного уныния
Касались.
И тишина,
Что тишиной была,
В тревожном ожидании
Рассвета
Незримой паутинкою
Легла
Не безвозвратно
Прожитое лето.

●

Друзья,
Друзья!
Все меньше нас, друзья.
И в наши дни,
А не во время оно,
С великой скорбью
Отмечаю я,
Что видимся мы
Лишь на похоронах!

Друзья,
Меня обуревает страх.
А я б хотел
Без горестного рвенья
Встречать вас всех
Не на похоронах,
А каждого —
В свой светлый день рожденья!

ПАМЯТЬ

ВЕЧНЫЙ ПРОПУСК

Это необычный пропуск. Его владелица работала в типографии Лениздата много лет, и, конечно, у нее был нормальный пропуск, как у всех. Потом она ушла на пенсию, и ей выдали вот этот особый — навсегда. В 1915 году двенадцатилетней девчонкой начала Антонина Александровна Семенова работать наборщицей. В 1925 году вступила в партию.

В пору Отечественной войны ночью бомба упала совсем рядом, в Фонтанку, недалеко от типографии. Стекла вылетели. Было повреждено оборудование. Вода залила полцеха. Но «Ленинградская правда» вышла в срок. Потом газету на санках везли на передовую: в те дни линия фронта проходила по окраинам города.

В разрушенном помещении оставаться было невозможно, и начальник наборного цеха Антонина Семенова приняла решение: надо переезжать. Цех перекочевал в бомбоубежище.

Типография работала и днем и ночью. Выпускалась «Ленинградская правда», плакаты и листовки, брошюры, посвященные вопросам обороны, жизни и быта города. Отсюда на передовую поступали периодические издания Лениздата — журнал «Пропаганда и агитация» и «Блокнот агитатора». Здесь печатались продовольственные карточки. Из своего цеха Семенова порой не выходила сутками.

Первая блокадная зима 1941/42 года была самой тяжкой. От дистрофии скончался муж Антонины Александровны, он тоже был полиграфистом. Список рабочих каждый день сокращался: умер, убит при артобстреле, погиб в бомбежку, умер, умер... Прямо на рабочем месте умирали наборщики от голода. И тогда начальник цеха Семенова вставала к реалу и сама набирала газету.

В 1942 году стало некому работать. В цех прислали школьниц, 14—15-летних девчат. Обычно наборщиков готовили годами, а теперь ждать было некогда. Много возилась Антонина Александровна с юным пополнением, понимая, что на этих девчонок вся надежда.

Старым ленинградцам памятен плакат, выпущенный Лениздатом: «Что ты сделал для фронта?» Сами полиграфисты с чистой совестью могли бы ответить: они сделали все, что смогли, что было в силах человеческих.

Издания блокадных лет — ныне библиографическая редкость. А если нужна кому консультация, пожалуйста, обращайтесь к Антонине Александровне. Она помнит все, что прошло через наборный цех, через ее руки. Полиграфисты не просто «давали план» — они укрепляли в людях волю к победе, будили ненависть к врагу.

Наталия ДЬЯЧЕНКО

На снимке: полиграфисты блокадного Ленинграда. 1944 год.

Расцвет. Фото Ю. Петшаковского. г. Краснодар.

Нам нужен мир! Фото А. Бурьбо. г. Белгород.

ВЕСЕННИЙ ВЕРНИСАЖ

На праздник. Фото В. Хаскина.

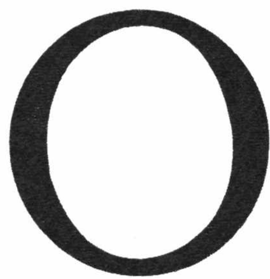
«ОГОНЬКА»

г. Петрозаводск.

Игра. Фото Ю. Петшаковского. г. Краснодар.

Юрий РЫТХЭУ

О русском языке

УДИВИТЕЛЬНЫЙ КАНИМ

Мне всегда казалось, что мой способ изучения русского языка был самым плодотворным. Во всяком случае, я до сих пор с удовольствием вспоминаю все: от первого услышанного русского слова до лекций по исторической грамматике русского языка, которые я слушал в Ленинградском университете.

Изучение русского языка продолжается и по сегодняшний день, потому как нельзя исчерпать этот подвижный, вечно меняющийся глубочайший океан живой мысли.

Первые русские слова я узнал задолго до того, как пошел в школу. От немногочисленных русских, которые приехали в наше древнее чукотское селение Уэлен. Кстати, большинство из них интересовалось чукотским языком, стараясь говорить на нем. А уж с нашей стороны, со стороны моих земляков, не было недостатка в желании научиться русскому языку.

Я любил слушать русский разговор, даже не понимая еще ни единого слова. Уже потом в живом потоке речи стали звучать знакомые слова: учиться, школа, хлеб, хорошо...

В уэленской пекарне работал русский пекарь. Он казался нам, ребятишкам, настоящим гигантом, особенно в своем белом, обсыпанном мукой одеянии. Он угощал нас свежевыпеченным хлебом, холодным квасом и пел.

Пел он разные песни. Русские слова в песенном исполнении часто преображались до неузнаваемости, и многие из них даже казались чукотскими.

У пекаря можно было спросить о значении любого слова, и он охотно нам объяснял их. Так было с шуточной песенкой времен гражданской войны «Цыпленок жареный»...

Воспитанный на бабушкиных сказках, где птицы и звери занимались вполне человеческими делами и даже могли разговаривать друг с другом, я не удивлялся приключениям цыпленка. Я был уверен, что строки «гони монету» звучат так: «Канима нету». Для меня этот загадочный Каним представлялся в виде определенного человека, каким-то образом связанного с судьбой бедного цыпленка. Я даже размышлял о том, как этот Каним вполне мог походить на Алима, эскимоса из соседнего селения Наукан. Он набирал и печатал газету «Советский Уэлен» в небольшом круглом домике, приспособленном под типографию и редакцию.

Моя ошибка объяснялась просто: в чукотском языке нет звонких согласных. И загадочный Каним долгие годы не хотел обращаться в прозаическое «гони монету». Мое сознание почему-то сопротивлялось этому. Точно так же, как во многих других русских песнях, услышанных еще непривычным к песенному звучанию чужого языка ухом, оказались причудливые звукосочетания, которые в родном языке обретали определенный смысл. Русские слова чудом превращались в чукотские, и непонятный текст становился доступным, понятным.

Я пошел в школу, уже имея небольшой запас русских слов. Но дальше меня подстерегали другие испытания.

Сначала меня повергли в изумление и растерянность деление на роды, согласования определений. Я никак не мог уразуметь, почему белая крашеная дверь, ведущая в класс, женского рода, а сам класс — мужского. Сначала я искал в этом какой-то ритуальный, магический смысл. Тем более что в чукотском обиходе некоторые предметы женского быта считались запретными для мужчин. Например, мужчине ни в коем случае не дозволялось пользоваться женским ножом с широким лезвием. Невольное прикосновение к определенным женским предметам могло навсегда отпугнуть охотничью удачу и благорасположение морских богов.

Надо вспомнить, что в годы моего детства в Уэлене не было ныне повсеместного радио, ни тем более телевидения. На стене кают-компании полярной станции висел черный репродуктор, но речь из него была такой невнятной, что казалась нерусской. Кино было немым. Так что нашим единственным источником познания русского языка была живая речь. Правда, были еще и книги...

Едва узнав значение букв, я обратился к книгам, но это окончилось для меня горькой неудачей: я не умел схватить смысла даже короткого слова. И так продолжалось довольно долго.

А книги манили. Тесно прижавшись друг к другу в нашей школьной библиотеке, на полярной станции, они волновали воображение, обещая открытие неведомого, чудесного. Несколько переводных книг на чукотском языке стали первыми предвестниками, пусть пока слабым отголоском безбрежного моря знания.

Я их сразу же прочитал, как только более или менее овладел навыками чтения. Прежде всего это были учебники. За ними шел перевод Конституции РСФСР. Удивительное впечатление произвела на меня книга «Чавчывалымнылтэ» Федора Тынэтэгина, первая оригинальная книга на чукотском языке, в которой были собраны сказки тундровых жителей Чукотки.

Но я уже прекрасно понимал, что настоящая свобода познания лежит через овладение русским языком.

Я затрудняюсь определить момент, когда русский язык открылся мне как язык, на котором я уже мог свободно читать и объясняться. Очевидно, это происходило постепенно, но мне почему-то до сих пор кажется, что это случилось как-то вдруг. Примерно в пятом классе я уже запоем читал книги из школьной библиотеки, начиная с детских и кончая роскошно изданным томом «Жизнь животных» Брема.

Разумеется, мое чтение было продолжением изучения русского языка. Причем это изучение шло без словарей: смысл нового слова узнавался из его окружения. Такой способ не избавлял от ошибок: впоследствии я не раз обнаруживал, что некоторые русские слова имеют совершенно иной смысл, нежели тот, который я «открыл» собственным способом.

Мне повезло с самого начала: русский язык в уэленской школе преподавался людьми, которые сами отлично знали его, понимали его красоту и, главное, то значение, которое он имел для нас, только начинающих открывать для себя не только новый мир, но как бы входящих через него в свое будущее.

Это были мать и сын — Прасковья Кузьминична Беликова и Лев Васильевич Беликов. Впоследствии Лев Васильевич долгие годы возглавлял северное отделение Института имени Герцена в Ленинграде, где получают высшее образование будущие учителя северных школ.

Именно из уст Беликовых я впервые услышал звучание русского стиха. Сначала мне показалось, что это тоже песня: так мелодична была речь.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...

Это было настоящее волшебство! Ведь сами по себе, отдельно взятые слова были самыми обыкновенными, так сказать, обиходными. Но вот, поставленные в определенный порядок, они вдруг наливались новой силой, светились собственным светом.

После этого я стал предпочитать всему остальному чтению Пушкина, Лермонтова, Некрасова...

Обыкновенная, так называемая прозаическая речь казалась мне серой, однообразной, унылой, и я дивился, почему люди не догадываются говорить только стихами: ведь это не только прекрасно, но и более вразумительно и понятно.

Кстати, некоторые пушкинские сказки и стихотворения, будучи студентом Ленинградского университета, я переводил вместе со своим первым учителем русского языка, Львом Васильевичем Беликовым, который к тому же превосходно знал и чукотский язык.

Так входил в мое сознание, в мою жизнь, становясь все более родным, великий и могучий язык, открывший для меня прекрасный новый мир и давший мне как бы новую жизнь.

ВЫ РУССКИЙ, ГОСПОДИН РЫТХЭУ...

Однажды в далеком канадском городе Саскатуне, в провинции Саскачеван, я ехал в такси после лекции в местном университете. Я путешествовал уже довольно долго и все чаще думал о доме, о родине. Забывшись, я что-то произнес вслух по-русски. Шофер вдруг бросил рулевое управление, повернулся ко мне и обрадованно воскликнул:

— Так вы, оказывается, русский! Я тоже русский, моя фамилия Постников.

Постников оказался потомком духоборов, чьи предки задолго до Великой Октябрьской социалистической революции переселились в Канаду, спасаясь от преследований царизма и официальной церкви. Таксист привез меня в свой дом, познакомил с родителями, позвал гостей... Я пытался уверить своих новых знакомых, что я вообще-то не русский, но они не обращали никакого внимания на это. Они просили рассказать о Москве, Ленинграде, о жизни в Советской России. На прощание они спели мне старинные русские песни.

Кстати, это был не первый случай, когда меня называли за рубежом русским. Теперь я уже не возражаю, когда меня называют так, хотя чувствую, что этим беру на себя как бы дополнительную ответственность. В самом деле, авторитет русской культуры и русского языка повсеместно чрезвычайно велик. Это касается и русской литературы, и русской музыки, театрального и изобразительного искусства. Высок авторитет и общественно-политического строя нашей страны, особенно в кругах трудового народа.

Мне довелось совершать продолжительные путешествия в далекую и жаркую Африку. Я познакомился не только с общественными деятелями, но и со многими писателями этого континента, значительная часть которого обрела независимость уже при жизни нашего поколения.

Я еще хорошо помню географические карты моих школьных лет, когда Африка была раскрашена в цвета империалистических держав Европы: Англии, Франции, Италии, Германии, Испании...

Колониальное прошлое оставило тяжелый след в экономике и социальной жизни освободившихся стран. Но есть еще один след, который вытравить не так-то легко и просто: это след духовного подавления местных языков и культур с помощью европейских языков. Многие африканские писатели, создающие свои произведения на английском, французском и других европейских языках, жаловались мне, что не чувствуют себя удовлетворенными сво-

им творчеством, ибо их слово почти не доходит до народных масс, лишенных возможности читать не только на этих языках, но и на своем родном языке.

Европейские языки сыграли незавидную роль в духовной колонизации народов Африки, Азии и Латинской Америки.

Когда я был на Аляске, тамошние немногочисленные учителя-эскимосы жаловались мне, что правительственные чиновники из Бюро по делам индейцев предписывают обучать детей только на английском языке. Дженни Алова, молодая учительница из Нома, с горечью вспоминала, как в детстве учителя подвергали ее физическим наказаниям за то, что она заговаривала на своем родном эскимосском языке.

— Так было не только со мной,— вспоминала Дженни.— Так было со всеми, кто осмеливался выразить вслух мысли на родном языке.

Кстати, именно на западноевропейских языках была создана довольно обширная литература, которая получила название колониальной. В этих произведениях местный житель показывался либо совершенным дикарем, или же существом, не вполне достойным человеческого звания. Ему приписывались всяческого рода несуществующие пороки и суеверия, для него даже конструировались высосанные из пальца мировоззрения и философские системы. Особенно этим грешила западноевропейская и американская этнография, наука, почти целиком состоявшая на службе колониализма.

И вот что интересно: на русском языке такой литературы нет. Наоборот, многие прекрасные образцы русской литературы, касавшиеся жизни окраинных народов бывшей Российской империи, иногда в прошлом называемых инородцами, как правило, были проникнуты чувствами добрыми. Сочувствие — вот что было главным и определяющим в произведениях русских писателей от Пушкина, Толстого, Мамина-Сибиряка до Арсеньева, Тана-Богораза, Сёмушкина...

Таким же образом и русский язык никогда не был орудием подавления других народов России. Наоборот, именно через русский язык на самые отдаленные окраины России проникали идеи свободолюбия и освобождения. Многие революционные демократы — украинцы, казахи, узбеки, татары — знакомились с марксистской литературой через русский язык.

Поэтому и отношение к русскому языку среди народов нашей страны совершенно особое, нежели, скажем, отношение африканцев к английскому или же французскому языку.

Мало того, часто русский язык как бы поднимал другие языки до современного уровня, обогащал их.

Это относится и к моему родному чукотскому языку.

Переводя произведения русских и советских писателей, я учился у великого русского языка и великой литературы подлинной выразительности, способности собственными средствами выражать сокровенное, глубокое. Если бы такой помощи со стороны русского языка не было, то я не уверен, что на чукотском языке сегодня существовала бы и развивалась современная литература, издавались бы книги не только художественные, но и общественно-политические, не велись бы телевизионные и радиопередачи, не издавалась бы газета.

И когда я сегодня слышу иные рассуждения наших недругов о насильственной русификации, о подавлении местных языков в Советской стране, я привожу в пример новый расцвет чукотского языка.

Не так давно в Копенгагене я встречался с молодыми гренландскими писателями, которые пытаются создавать произведения на своем родном эскимосском языке. На нашей встрече присутствовал представитель министерства культуры Дании (как известно, Гренландия хотя и имеет право на внутреннее самоуправление, но до сих пор является владением Датского королевства и все внешние дела ведутся из Копенгагена). Так вот, этот деятель культуры высокомерно заявил, что гренландцы не могут создавать произведения художественной литературы ввиду малочисленности самого народа и бедности языка. Но мои гренландские друзья оказались хорошо осведомленными в делах нашей страны и положили на стол перед представителем датского министерства культуры книгу стихотворений эскимосской поэтессы Зои Ненлюмкиной, изданную в Магадане и на ее родном, и на русском языках. Надо было видеть лицо этого чиновника!

Сегодня русский язык победно шагает по всему миру. Прежде всего как язык социализма, социальной справедливости и в огромной степени как язык мира. Может быть, именно это обстоятельство настораживает определенные круги врагов прогресса и социализма, настраивает их против русского языка.

Человек на всех континентах сегодня прекрасно различает, на каком языке звучат призывы уничтожить человечество, разбомбить Москву, выбросить на пепелище истории социализм. Рассуждения об ограниченных и звездных ядерных войнах, человеконенавистнические концепции имеют хорошо различимый, свой язык.

И наоборот, призывы ко всеобщему миру, идеи о мирном сосуществовании впервые прозвучали именно на русском языке в ленинских декретах в дни провозглашения первого государства трудящихся. Эти призывы сегодня находят все больший отклик даже среди тех, кто еще не знает русского языка.

Что же касается измышлений о подавлении языков малых народов, то можно было бы привести немало доказательств, опровергающих эти домыслы. Но я сошлюсь только на один.

Вот уже несколько десятилетий в Ленинграде существует специальная редакция издательства «Просвещение», которая выпускает литературу, как учебную, так и художественную, на языках народов советского Севера. Совсем недавно получили усовершенствованные алфавиты такие народы, как сахалинские нивхи и саамы.

Как известно, саамы в большинстве своем живут в Скандинавии. Мне не раз приходилось бывать у них, гостить у оленеводов Финляндии, Швеции и Норвегии. Известный саамский поэт и художник Нильс-Аслак Валькепяя вот уже несколько лет пытается издавать литературно-художественный журнал на родном языке. Однажды мы встретились с ним в небольшом саамском городке Каутокейно на севере Норвегии. В местной гостинице он обратил мое внимание на таблички, развешанные на приметных местах.

— Знаешь, что на них написано?— спросил меня Нильс-Аслак.

— Разумеется, не знаю,— ответил я.

— Здесь написано: не шуметь, не плевать, не сорить, не курить, не появляться пьяным. Наказание — штраф, тюремное заключение... И все это написано на саамском языке.

Я сначала не понял, в чем дело.

Тогда Нильс-Аслак пояснил:

— Все эти запрещения написаны только на саамском языке. Их нет на норвежском, шведском... Получается, что сорить, шуметь, буянить, вести себя неприлично может только саам, но отнюдь не швед, не норвежец или немец...

Это было сказано с горечью.

Да, такое советскому человеку непонятно. У него, как сказал поэт, собственная гордость.

В ней есть и большая гордость за свою самобытную культуру, и гордость за то, что для любого советского человека теперь стала родной и близкой и великая русская культура, и великий русский язык.

ТАКОЙ ЖЕ РОДНОЙ...

Как-то мне пришлось быть свидетелем примечательного спора в моем родном селении Уэлен. Молодая мать привела сына, будущего первоклассника, в школу, разумеется, не в то старое здание, где я когда-то постигал первые русские слова, а в новый двухэтажный дом на берегу лагуны.

Мальчик уже говорил по-русски, а когда учительница перешла на чукотский, он немедленно ответил ей и на этом языке.

— Значит, так,— сказала учительница.— Запишем, что у него второй родной язык — русский.

— Почему второй?— возразила мать.— Русский язык у него такой же первый, как и чукотский.

И это действительно так. Во многих семьях на Чукотке русский язык давно перестал быть вторым языком: он и впрямь стал таким же полноправным родным материнским языком, как и чукотский. Ребенок получает знание и навыки русского разговорного языка не в детском саду и не в школе, а дома, от своих родителей.

И вот что интересно: многие, даже смешанные семьи стараются, чтобы их ребенок с детства умел говорить на обоих языках. Обычно такие дети лучше развиваются, хорошо учатся, отличаются уравновешенным характером. Ведь любое языковое затруднение немедленно отражается на настроении ребенка, на его стремлении к познанию. Я хорошо знаком с этим по собственному опыту. Когда я учился в школе, затем в педагогическом училище, то видел, как душевно тяжело было юношам и девушкам, которые приехали из тундры и с огромным трудом овладевали русским языком. Страх показаться смешными из-за неправильного употребления слов, неверного, искаженного произношения сковывал их, принуждал к замкнутости, иногда обрекал на одиночество.

Сейчас вся молодежь не только Чукотки, но и всего советского Севера вступает в жизнь с прекрасным знанием русского языка.

Это отнюдь не означает, что опасность пренебрежительного отношения, недооценки своего родного языка исчезла. Она продолжает существовать, и как раз там, где в преподавании русского языка упускается благотворная возможность сравнения с родными языками, взаимной демонстрации богатств обоих языков. Чаще всего это случается там, где уровень квалификации учителя невысок, где невольно русскому языку навязывается несвойственная ему функция замещения родного языка. Никакое, даже самое совершенное знание русского не заменит родной язык. Особенно это важно для человека, связанного с литературой, культурой родного народа.

Мои книги выходят и на чукотском, и на русском языках. Но вот, скажем, стихи я могу писать только на своем родном языке, очевидно, памятуя то первое впечатление от стихотворной речи, которое я получил, знакомясь еще в детстве с творчеством великого Пушкина. Может быть, если уж очень понадобится, я мог бы сочинить и на русском языке кое-что похожее на стихотворение, но это не было бы ни в коем случае поэзией.

И все же я могу с уверенностью сказать про себя, что если бы у меня не было того знания русского, которое у меня есть, я не был бы литератором. Владение обоими языками создает удивительное ощущение как бы дополнительной свободы, новой выразительности. Особенно это заметно, когда автор описывает жизнь, где существуют эти два языка. Наверное, идеально было бы писать книгу на смешанном русско-чукотском языке. Но это уже из области фантазии, граничащей с шуткой.

В начале этой зимы я был на Чукотке и проехал по тем же местам, где взрослел. Это мое взросление происходило вместе с познанием русского языка, овладением его неисчерпаемыми богатствами. У берегов родного Уэлена стоял лед. Он отсюда никогда далеко не уходит, даже в середине полярного лета. Он дрейфует за горизонтом, дожидаясь своего северного ветра, чтобы придвинуться к галечной косе. Вспомнилось детство...

Глухой зимой, когда на южной стороне неба в полдень показывался красный, словно опухший от мороза солнечный диск, мы уходили во льды, где в гроте находилось наше тайное убежище, своеобразный читальный зал. Мы зажигали свечи и на старых мешках из-под муки предавались прекрасному занятию — чтению. Рядом со мной были мои друзья — сейчас это степенные отцы семейств, а некоторые из них деды: Эттэкэмэн, Ачивантин, Актай, Тымнэвакт... Все они до сих пор живут в Уэлене, охотятся, строят дома. Тымнэвакт возводит третью за свою жизнь школу: село растет, увеличивается население, особенно детское.

Мы часто читали вслух — стихи Пушкина, Некрасова, Лермонтова, делились своими соображениями о значении тех или иных слов.

Я снова посетил прекрасную библиотеку уэленской школы, побывал в библиотеке полярной станции «Уэлен» и вспомнил, с какой жадностью смотрел на ровные ряды книг, когда освоение этого удивительного богатства, мудрости веков, запечатленной на тысячах страниц, казалось мне почти недостижимым.

Русский язык для советских людей, для многонациональной нашей страны давно перерос значение простого средства общения. Это огромное, многообразное, разветвленное, всепроникающее культурное явление, по своему охвату не имеющее аналогов в других культурных явлениях.

Среди многих радостей, которыми меня одарила жизнь, на одном из первых мест стоит радость знания русского языка, радость говорить на нем, писать, утверждать с его помощью значение родного языка, слышать голоса и понимать друзей, говорящих на множестве языков и наречий в нашей огромной многонациональной стране.

Ленинград.

На Мамаевом кургане: цветы героям.

Наверное, скоро такой цех назовут залом.

ТОЧНОСТЬ

«ВЕЧНЫЕ» ПОДШИПНИКИ ИЗ ВОЛЖСКОГО

УРОВЕНЬ — МИРОВОЙ

КАКОЙ СТАНЕТ ТЕХНИКА ЗАВТРА

Б. СМИРНОВ
Фото Г. КОПОСОВА

Самые дерзкие, самые смелые мечты иногда сбываются до обидного тихо и буднично... Мог ли, положим, еще лет десять назад кто-то предположить, что рабочие будут приходить в цех в белых халатах и белых перчатках? Нет, речь идет не о радиоэлектронике, не о химическом производстве и даже не о часовщиках — такого рода специалисты, можно сказать, уже родились в белых халатах. Другое дело — обработка металла: испокон веку в нашем представлении станочник — это человек в темной от масляных пятен спецовке, с въевшимися в кожу рук следами металла, с непременным штангенциркулем в кармане. И, как правило, стоять у станка положено мужчине. Вот почему, увидев женщин в белых перчатках у шлифовальных станков, я первым делом подумал о писателях-фантастах, у которых действительность отобрала и передала нам, журналистам, еще один сюжет.

Ну, а поскольку в журналистике не обойтись без точных адресов, сделаем это сразу же: город Волжский Волгоградской области, завод ГПЗ-15, цех прецизионных роликовых подшипников. Французское слово «прецизион», переводящееся как «точность», само по себе объясняет, что халаты, салфетки и прочие «стерильные атрибуты» цеха не дань моде, а совершенно необходимое технологическое условие производства: любая соринка может вызвать брак. Кроме того, этот цех пока единственный в стране, если не считать Куйбышевского завода, где тоже делают прецизионные подшипники, но только шариковые.

История цеха волжского завода началась девять лет назад, когда в документах XXV съезда КПСС впервые было сказано о необходимости развивать у нас производство прецизионных подшипников. Без них невозможно создание прецизионных станков, а без этих станков — производство высокоточных машин и механизмов. Словом, только на таких подшипниках может вращаться ось технического прогресса.

— Строить этот цех мне пришлось буквально с первого камня,— рассказывает его начальник Юрий Алексеевич Кочетков,— и те годы, что продолжалось строительство, очень пригодились для того, чтобы вникнуть в новое дело. У меня два диплома о высшем образовании; я работал на многих предприятиях, прошел от слесаря до руководителя производства, но со всем этим «багажом» я должен был еще проштудировать горы специальной литературы, чтобы встреча с прецизионным подшипником произошла для меня, как говорится, «на равных». Все было необычным: проект цеха, оборудование, подбор кадров. Все станки по специальному заказу изготовлены для нас в ГДР, и уже тогда в ГДР отправились инженеры нашего будущего цеха, чтобы изучить станки еще в период их создания.

— А костяк рабочего коллектива в новом цехе образовался, конечно, из опытных заводских специалистов?

— Да, конечно, но еще в то время я решился на эксперимент. Мы убедились, что легче научить человека заново, чем переучивать... Мы пошли по городским школам, рассказывали старшеклассникам, каким будет наш новый цех. На летнюю практику на завод пришли десятки школьников, и многие к осени сдали экзамены на начальные разряды шлифовщиков. А когда цех был построен, они, уже окончив школу, стали приходить в отдел кадров завода: «Хочу в этот цех, я шлифовщик второго разряда». «Как шлифовщик, откуда?» «А я у вас уже работал...» Так за три года мы в основном создали коллектив цеха, подготовили около шестисот человек для работы в совершенно новых, непривычных для завода условиях. Из этих ребят в основном были организованы комсомольско-молодежные бригады...

— А в чем необычность работы?

— Прежде всего в самом подшипнике. Вот смотрите,— Юрий Алексеевич, щелкнув замком сейфа, водрузил на стол крупный, с тарелку, подшипник, сияющий, словно елочная игрушка. Сравнение не случайно: Кочетков брал эту увесистую стальную деталь так, словно она стеклянная, а руки свои предварительно обернул белоснежной матерчатой салфеткой.— Не то что царапина — след от пальца может испортить этот подшипник. А если при его сборке не надевать перчаток, то тепло рук передастся металлу, и размеры кольца могут измениться на долю микрона, а при сборке подшипника это недопустимо.

— Какой-то особый металл?

— Нет, металл самый обычный — высокопрочная легированная сталь. Необычна обработка — с допусками в сотые доли микрона. Вся сложность в точнейшей шлифовке деталей, в подгонке их более чем с ювелирной точностью. Мы просто вылизываем каждое изделие. Вот почему этот подшипник, например, стоит несколько сот рублей, а он у нас далеко не самый сложный.

Еще недавно наша страна покупала такие подшипники за границей на валюту. Сейчас, работая не на полную мощность всего два года, цех уже полностью обеспечил поставку на московский завод «Красный пролетарий» и другие предприятия своих, отечественных высокоточных подшипников. Кочетков рассказал: французская фирма «Гамэ» попросила несколько экземпляров для испытания. Вскоре прислали ответ: советские подшипники ни в чем не уступают продукции знаменитой фирмы. А цех к тому времени уже освоил сложнейший подшипник, аналогичный типу «гидролип», которым в свое время прославились американская фирма «Тимкен» и японская «НСК». Таким образом, волжский ГПЗ-15 вступил теперь в число избранных по мировым масштабам предприятий.

Я прошу объяснить, чем эти дорогостоящие подшипники лучше обычных, и Юрий Алексеевич вспоминает — для примера — любопытную историю. Здесь же, в других цехах ГПЗ-15, работают станки-автоматы киевского производства. На них установлены подшипники обычного класса, которые по действующим нормам служат шесть месяцев. Значит, в год заводу нужно более двух тысяч запасных комплектов таких подшипников, а завод получает по фондам всего... восемьдесят штук. В результате станки простаивают. И вот в порядке эксперимента решили здесь на несколько этих простаивающих, старых уже станков поставить прецизионные подшипники. И уже три года станки работают без остановки. Более того — повысилась их точность, вдвое меньше стало брака.

— Или еще пример. Отдали мне как-то старый, разбитый станок «1265 ПМ-8»,— продолжает начальник цеха.— Я говорю мастеру: ставь наши подшипники! Поставили. И я попал в неловкое положение. На этом станке мы наточили столько деталей, что обеспечили себя на полтора года! А тем временем новый год наступает, нам дают на эти детали новый план, а мы их не делаем, они уже лежат готовые. Следовательно, план не выполняется. И мы же виноваты...

— Так почему же эти замечательные подшипники не ставить повсюду?

— Я тоже считаю, что за нашими подшипниками будущее,— смеется моей горячности Кочетков.— Но есть и такие мнения: зачем ставить дорогие детали, например, на сеялки, они же в пыли, в песке работают! А я говорю: значит, надо конструировать сеялки так, чтобы лучше изолировать подшипники, зато сеялки тогда станут вечными, мы сэкономим горы металла, не надо будет тратить ежегодно миллионы на запчасти... А представляете, какую революцию произведут такие подшипники в автомобильной промышленности — пробег машин необычайно возрастет, ремонт сведется к минимуму...

Нет, напрасно я пожалел фантастов: техническая революция, наоборот, заставляет мечтать даже сугубо деловых, реально мыслящих технократов! Только их мечты основаны на деловых, сегодняшним днем подсказанных соображениях. Мы ходили по цеху и слушали увлеченные объяснения Кочеткова. И заметно было, что нет здесь суеты, беготни, напряженных поз прикованных к технике людей. Станочники как-то неторопливо брали руками в белых перчатках нарядные, сверкающие детали, выскакивающие из недр зеленых ящиков, и вроде даже ленивыми движениями подносили эти детали к приборам с чуткими тонкими стрелками. Это и вся работа — взять со станка деталь, проверить ее на приборе и отложить, готовую, в сторону?

— Кажущаяся легкость! — возразил Юрий Алексеевич.— За ней ежеминутный анализ; иначе говоря, шлифовщик должен буквально чувствовать работу станка, контролировать малейшие изменения. Например, на качестве изделий могут отразиться колебания температуры в цехе даже в пределах одного градуса или движение воздуха... Да лучше попросите хотя бы вот шлифовщицу Иру Качанову, она сама объяснит!

Девушка в кокетливо надвинутой пилотке снисходительно улыбнулась — наверное, привыкла к «экскурсантам». Не задавая вопросов, я наблюдал, как она изредка, едва касаясь пальцами

Шлифовщица Ирина Качанова.

кнопок и рукояток, поддерживала в станке какой-то понятный ей ритм. А потом, положив готовое блестящее кольцо подшипника на контрольно-измерительный прибор, Ира получала ответ, все ли в порядке, так ли этот агрегат выполнил ее задание. Немой диалог человека и станка через готовую деталь и стрелку прибора; не укрощение техники, а союз в погоне за долей микрона...

— Сколько времени надо готовиться к работе на этом станке?

— В среднем два с половиной года. Я работала в другом цехе, прежде чем перейти сюда.— Пальцы Ирины тем временем пробежались по кнопкам, и станок согласно мигнул разноцветными глазками.

— Наверное, страшно было сначала с этой техникой?

— Сначала да. Но, знаете, завод быстро излечивает человека от страха перед машинами.

— А чем сложна ваша работа?

— Напряжением. Боязнь упустить какую-то мелочь утомляет больше, чем физический труд... От нас не требуется погони за количеством деталей, главное — качество.

Да, в чем-то они особенные — все, с кем я разговаривал в этом цехе. Пожалуй, тем, что общение с передовой техникой, с ее высокими требованиями породило здесь какую-то особую культуру труда. Она не только во внешней чистоте, она в той точности, с которой устанавливаются контакты человека с техникой, и эта точность уже стала необходимым, можно сказать, технологическим условием нормальной работы. И не писателю-фантасту, а писателю-романисту впору исследовать этот микроклимат «завода внутри завода», чтобы вывести образ рабочего из завтрашнего — нет, уже из сегодняшнего, уже пришедшего дня.

Так отмечаются дни рождения в каждой из бригад цеха * Вот они, прецизионные подшипники,— гордость завода!

Фото Г. КОПОСОВА

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Здравствуй, весна! Выступает ансамбль песни и пляски шемахинского педучилища имени М. А. Сабира * Школьница Элнара Махмудова.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

ВЕШНИЕ ЗОРИ

См. стр. 20.

Елена Соловей, которую зрители помнят по фильмам «Драма из старинной жизни» и «Раба любви», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Несколько дней из жизни Обломова», в театр пришла, театра не зная. Женщина неделовая и несовременная, она странным образом возникла в мире современных ритмов. Не будь она так хороша собой, так органична в своей манере неожиданно смеяться, запрокидывая голову, говорить чуть протяжно — ее попросту называла бы чудной.

Именно кино разглядело ее, создало вокруг нее тот мир, который так подходит ей. Она и впрямь словно впитала образ женщин далеких эпох, их беззащитность и нежную женственность.

Трудно поверить: Елена Соловей — театральная актриса. Таким было мнение многих.

Игорь Владимиров, главный режиссер театра имени Ленсовета, долго размышлял, прежде чем пригласить ее на роль Майи Алейниковой в пьесе А. Арбузова «Победительница».

Режиссер понимал, что Елена Соловей не может играть все. Зрители помнят, что актриса как будто терялась в современных костюмах и в современных кинофильмах. Она превращалась в красивую современницу, но ведь не каждой красивой современнице к лицу костюм и манеры из другой эпохи... Режиссер отчетливо представлял, что актрисе необходимо начинать с азов, так как Елена Соловей на сцену никогда не выходила. Он знал, что к индивидуальности актрисы театру нужно приспособиться в той же степени, что и самой актрисе к требованиям современного театра.

Встреча Игоря Владимирова и Елены Соловей была из тех случайностей, за которыми скрыты тайные стремления, годы ожиданий и желанное осуществление.

Она на протяжении многих лет стремилась на сцену, устав от прихотей кино — «снимать или не снимать». Она хотела долго и кропотливо, не один год играть одну и ту же роль, истосковалась по живому зрительскому отклику.

С детства и по сей день Елена Соловей любит перечитывать сказку о золотом ключике. «У всех нас есть свой папа Карло,— говорит актриса,— и все мы рано или поздно его покидаем в поиске своей собственной судьбы, все мы ищем свою дверь в стене и волшебный золотой ключик от нее... И за каждой чудесной дверью — новая дверь, и они не кончаются...»

С чувством Буратино, по словам актрисы, и пришла она в театр. Ей предстояло открыть дверь, за которой начиналась новая жизнь, новая биография — биография артистки театра.

Первая ее роль, казалось бы, сулила неудачу. И опытной актрисе трудно сыграть роль женщины, которая внутренне чужда ей. Но Игорь Владимиров не просто режиссер, он и педагог. Он знал, что противостояние внутреннего мира актрисы и деловой женщины Майи Алейниковой придаст неожиданный, более глубокий смысл героине А. Арбузова.

Провинциальная девочка, оказавшись в столице, решила доказать всему миру, что приехала не напрасно. Во имя карьеры ученого она покидает и предает дорогих людей. Но и ученого из нее не получается: она превращается в администратора от науки. День сорокалетия становится для нее днем подведения итогов, когда карточный домик неверно выстроенной жизни рухнул. Майя Алейникова осталась одна.

Майя Алейникова Елены Соловей предает друзей, но с болью и мучением. Сомнение в правильности выбранного пути не покидает ее никогда. Каждый новый выбор становится все более драматичным. В тот момент, когда одиночество для героини становится наиболее мучительным, Елена Соловей, забыв о своем очаровательном неумении держаться на сцене, страстно, темпераментно овладевает зрительным залом и, проникая в судьбу человека, заставляет зрителя прочувствовать и пережить его страдание. Публика, среди которой немало скептиков, убеждается: Елена Соловей — драматическая актриса, актриса театра в полном смысле этого слова.

А в том, что Елена Соловей может быть разной, мы убеждаемся на спектакле «Земля обетованная» С. Моэма. Ей, оказывается, легко дается игра словом, легкая ирония. Актриса органична в этой комедии начала века. Но в спектакле «Земля обетованная» выявилось и другое — стремление воспринимать сценическую жизнь как подлинную, принесенное из кино умение делать выразительным, «крупным» малейший жест, взгляд, слово, движение. Актриса живет на сцене в мире пьесы и в мире собственной фантазии, превращая ее в зримую реальность.

Каждый спектакль для Елены Соловей — новый спектакль. Ей предстоит овладеть искусством закреплять на протяжении многих вечеров однажды найденное на сцене, в роли; научиться соразмерять свои актерские силы, свободно ориентироваться в изменчивом пространстве сцены. Впереди у актрисы много разных ролей, среди которых будут и творческие свершения, и неудачи: никто от них не застрахован. Но путь ее с экрана на сцену самобытен и внутренне отважен: не всякий актер так решительно способен начать все сначала, учиться в зрелом возрасте. Путь ее достоин большого творческого и человеческого уважения.

Елена Соловей начала свою новую биографию артистки театра. Пожелаем ей счастья и сил осуществить задуманное!

Мария ИГНАТЬЕВА

рампа

Второй дебют

Заслуженная артистка РСФСР Елена Соловей. Фото Э. ЭТТИНГЕРА

память

ВИНТОВОЧКА

Мы снимали фильм об Ижевске, ныне город Устинов. Сюжет: винтовочка, которая давно хранится в Центральном музее В. И. Ленина. Почему уменьшительно винтовочка? Речь идет о миниатюрном изделии, подарке Владимиру Ильичу — ижевском сувенире. Автор — Прокопий Васильевич Алексеев. Изготовлен сувенир в 1918 году. И мне захотелось рассказать хотя бы немного об авторе.

Не ошибусь, если скажу, что был Прокопий Васильевич, наверное, самым старым человеком в городе. Ему исполнилось девяносто шесть лет. Но память оставалась цепкой. Все помнил старик! И свои шестьдесят три года, которые отдал Ижевскому заводу. Помнил и деда, и отца, которые здесь же делали оружие. Даже в Отечественную войну не покидал Алексеев рабочего места. Чаще всего вспоминал два случая из жизни. Но все по порядку.

Еще до революции готовились на заводе к выпуску полумиллионной винтовки. Начальство думало, как отметить событие. И решило изготовить маленькие винтовки — для подарков. Чтобы на ладони умещались... Пригласили лучших мастеров. Среди них был и Прокопий Алексеев, лекальщик — золотые руки.

Не одну ночь примерял крохотные детали. Не один день сидел, вытачивал будущие винтовки. Когда сделали, на каждой поставили «500 000»...

А 7 ноября, в день первой годовщины Октября, ворвались в город красные конники Азина! И вот тогда-то и поручили старым оружейникам Петру Кожевину, Ивану Лыскову и ему, Прокопию Алексееву, сделать еще одну миниатюрную винтовку, непременно действующую, с обоймой и штыком. Подарок Ленину.

Алексеев микрометр специальный сделал, дрель... Самые мелкие детали сам взялся изготовить. Вручную. Зажигал свечку. Брал пинцетом крохотную металлическую пластинку, потом пустую дудочку-певку и начинал дуть. И металл приобретал нужную форму.

В общем, соорудили винтовку. Настоящая трехлинейка! Потом табличку сделали: «Великому пролетарскому вождю товарищу Ленину на память».

Г. Я. Лозгачев-Елизаров, воспитанник сестры Ленина А. И. Елизаровой-Ульяновой, вспоминал, что Владимир Ильич показывал подарок ижевских оружейников родным и гостям: вот, мол, какие мастера есть у нас!

А. АРТАМОНОВ

гор. Устинов.

На снимке: П. В. Алексеев (слева) и Г. Я. Лозгачев-Елизаров.

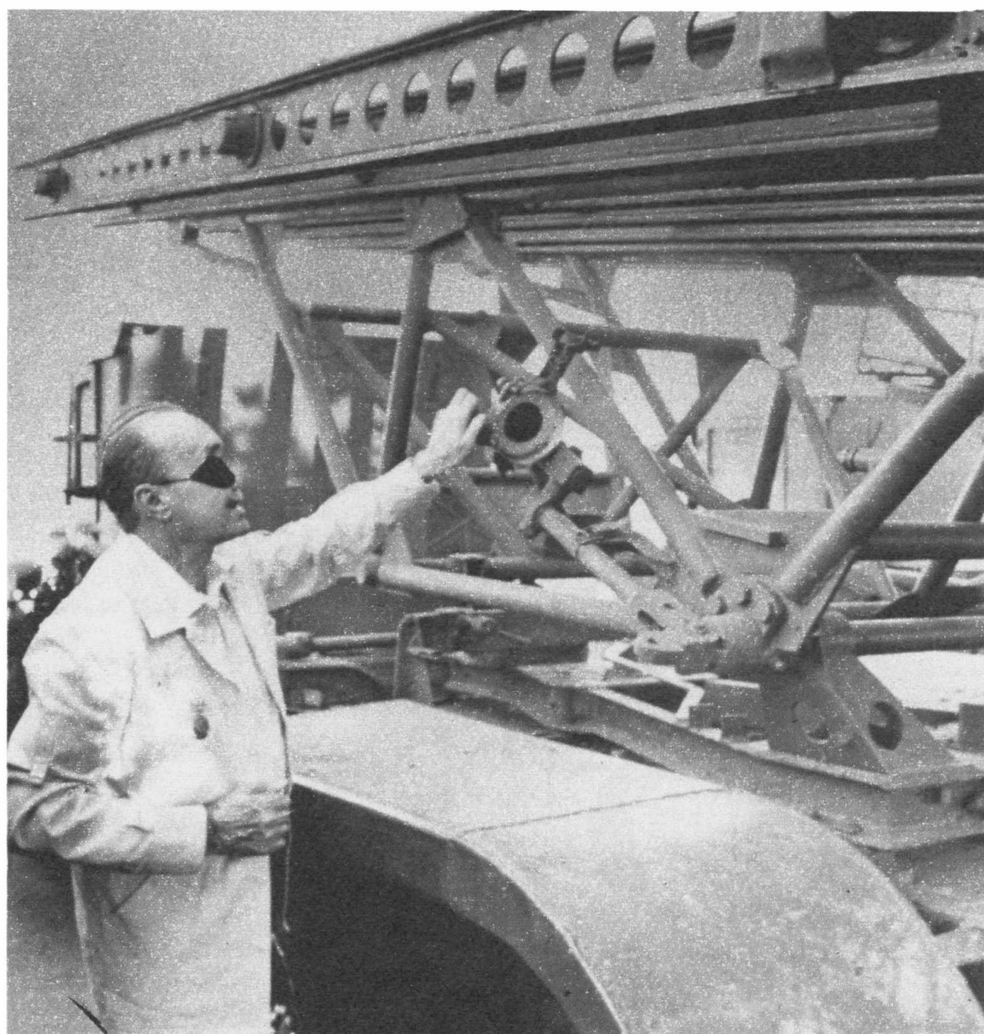
Эдуард АСАДОВ

Зарницы войны

Недоверие гвардейцев объяснилось в общем-то легко. С какой стати капитан с лейтенантом, направляющиеся к месту назначения в часть, вместо того, чтобы заночевать в деревне, будут искать убежища в глухом лесу? Женщина видела их тут еще на рассвете. И если они здесь провели ночь, то для какой надобности им вместо того, чтобы спешить в часть, сидеть тут весь день да еще мерзнуть вторую ночь? Потом эта фляжка, сигареты, а главное, карта. Зачем искать дорогу по карте, когда есть комендант на станции, есть дороги, регулировщики КПП, есть деревни, штабы и так далее? Короче говоря, надо было выяснить все. Обмозговав это, ребята и привели незнакомцев к старшине Фомичеву. Правда, в расположение батареи они их не повели, а остановились на шоссе и послали Зеленова доложить обо всем. Следует сказать, что хитрые хлопцы в целях конспирации не пошли с задержанными к тому месту, где машины обычно въезжали с шоссе в расположение батареи, а остановились много раньше, там, где перед дорогой темнел стеной густой лес. Туда и пришли комбат, старший лейтенант Лянь-Кунь, комвзвода лейтенант Новиков и старшина Фомичев. После краткого разговора решено было отправить задержанных в штаб дивизиона. Но по соображениям сохранения военной тайны вести их не через расположение батареи, а по шоссе и там уже, свернув в лес и дав небольшого крюка, препроводить в штаб. Старшина Фомичев, зная, что рядовые Зеленов и Бойков, всегда храбрые в бою, в присутствии всякого начальства, а тем более штабного тушуются и робеют, состав караула несколько изменил. Поблагодарив и отправив ребят в землянку, он определил на их место богатырского сложения сибиряка Костю Белоглазова и меня. Поставив рядом с огромным задержанным капитаном еще более могучего Белоглазова, Фомичев как бы с ухмылочкой говорил: хоть ты и здоров, а у нас есть гвардейцы и куда покрепче!

Как сейчас вижу залитую голубоватой луной, укатанную машинами снежную дорогу и наш импровизированный конвой: впереди с пистолетами в руках мы с Шиловым. Слева шагал молчаливый и важный старшина Фомичев с оружием и документами задержанных, а позади с винтовками — два Константина: Кочетов и Белоглазов.

В штаб дивизиона из батареи сразу же позвонили, и там «гостей» уже ждали. Комдив в ту пору был у армейского начальства, и в штабе находились замполит, батальонный комиссар Рабуев, начштаба дивизиона капитан Копнин и начальник особого отдела старший лейтенант Ивенсон. Сделаю маленькое отступление и скажу, что гвардии капитан Копнин вызывал в душе моей всегда горячую симпатию, еще с тех пор, когда он в звании старшего лейтенанта командовал соседней 1-й батареей. Высокий, широкоплечий, с правильными чертами лица и удивительно добрыми глазами, он обладал и великолепными военными знаниями. Недаром по самым сложным вопросам комдив обращался именно к нему. Единственным недостатком его внешности, на мой взгляд, были два ряда золотых зубов, которых сам он никогда не стеснялся и, будучи улыбчивым человеком, охотно демонстрировал человечеству. Впрочем, и сам я, привыкнув, считал их чуть ли не украшением его улыбки. Меня он почему-то замечал сразу же, где бы я ни находился. Увидит где-нибудь на огневой, полыхнет золотым сиянием и весело крикнет:

Э. Асадов у «катюши» в Севастополе, на Сапун-горе. Сентябрь 1983 года.

— Ну и глазищи! Что за глазищи! Темнее ночи, чернее сажи! Когда, Асадов, будем их отмывать? Может, сейчас потрем снежком?— И, еще раз улыбнувшись, добавит: — Ну, ладно, воюй! Сейчас некогда. Отмоем после войны!

Где вы сейчас, жизнерадостный и добрый капитан Копнин? Впрочем, нет, не капитан, а, как я слышал много лет назад, генерал Копнин. Где вы сегодня живете и служите? Помните ли вы еще черноглазого наводчика 2-й батареи Эдуарда Асадова? И знаете ли вы, что после войны ни снежком оттирать, ни водой отмывать ничего, к сожалению, уже не понадобилось?..

Но вернусь к моему рассказу: итак, как я уже говорил, в штабе сидели батальонный комиссар Рабуев, капитан Копнин и начальник особого отдела Ивенсон. Задержанные вошли в штаб без тени смущения. Приложив рукавицы к ушанкам и громко поздоровавшись, они, не ожидая приглашения, с шумом уселись на табуреты, и капитан, расстегивая полушубок, развязно спросил:

— Это у вас тут что? Штаб? Вот и хорошо! Ну что, товарищи, долго еще будет продолжаться эта комедия? На каком основании, разрешите узнать, у нас забрали документы да еще таскают весь вечер по дорогам и лесам?!

И хотя говорил он по-русски грамотно и легко, что-то в четком произношении слогов, в каких-то едва уловимых оттенках несколько настораживало. Лейтенант разговаривал много свободней. Он поддержал капитана:

— Нас давно ждут в части. И вообще все же в порядке! Верните нам документы! Мы очень спешим!

Батальонный комиссар, набивая трубку табаком, неторопливо произнес:

— Никто вас задерживать и не собирается. У нас тоже есть свои дела. А волноваться не надо.

Капитан Копнин, внимательно рассматривавший вместе с Ивенсоном принесенные документы, сверкнув двумя рядами золотых зубов, вежливо добавил:

— Самым идеальным будет, если вы сейчас тихо и спокойно поведаете нам правду о себе. Это и в наших, и в ваших интересах. Прошу!

Начальник особого отдела Ивенсон, положив на документы коротенькую ладонь, еще тише произнес:

— Мы уже связались с нужными людьми. Сейчас позвонят в вашу часть, и, пока вы будете рассказывать, все прояснится.

Затем, подперев кулаком подбородок, молча и без улыбки уставился на «гостей».

И тут произошло то, что никакая фантазия предположить не могла. Совершенно неожиданно, с грохотом отодвинув табуретку, задержанный капитан встал, выпрямился во весь свой огромный рост, выбросил вперед правую руку и хрипло произнес:

— Хайль Гитлер!

Вскочивший вместе с ним «лейтенант» вытянул руки по швам. Затем «капитан» снова уселся на табурет и, нагло глядя на присутствующих, заговорил:

Окончание. См. «Огонек» № 17.

— Что покажет проверка — это ясно. И наплевать на это! Будем говорить, как умные люди. Положение у вас безнадежно. Ленинград не сегодня-завтра будет наш. В Москву самое крайнее через три месяца войдут наши войска! Вы люди, и вы хотите жить! Я, старший офицер немецкой армии, послан верховным командованием, чтобы все узнать об электрических «адских машинах». (Так немцы называли наши «катюши».) Повторяю, дела ваши безнадежны!

Он снова встал и так же нагло произнес:

— От имени великой Германии предлагаю вам выгодные условия сдачи! Главное, что всем вам будет сохранена жизнь! Подумайте серьезно: сохранена жизнь!

Он сел и оглядел присутствующих с чванливым высокомерием. Несколько секунд все пораженно молчали. Затем батальонный комиссар Рабуев, отложив погасшую трубку, тихо сказал:

— Ну и стервец!

Капитан Копнин, барабаня пальцами по документам, с усмешкой сказал:

— М-м-да... Ничего себе сюрприз! Самое любопытное, что он ведь и вправду себя человеком считает... А чьи дела плохи, это мы еще, как говорят ваши, «будем посмотреть»! Разговор наш будет закончен не в Ленинграде и не в Москве, а в Берлине. В этом я могу вас заверить совершенно твердо!

Начальник особого отдела Ивенсон, складывая фальшивые документы в новенький планшет, обратился к Копнину и Рабуеву:

— Отвезем их в штаб армии. Дайте трех-четырех бойцов из взвода управления. Я поеду с ними сам.— И, внезапно обернувшись к фашистам, сказал: — Если бы вам столько ума, сколько нахальства...

На следующий день специально посланные люди нашли под снегом возле землянки в лесу портативную немецкую рацию и прорезиненный мешок с продовольствием. Видать, надолго устраивались «визитеры»!

Что касается их самих, то побывавшие в штабе армии ребята рассказывали, что и в контрразведке «Смерш» они держались так же развязно и нагло. Только под конец, говорят, этот самый «капитан» сказал:

— Уверен, что вы меня расстреляете. Но если даже так, то разрешите хотя бы перед смертью посмотреть на ваши «адские машины»!

Услышав об этом, кто-то из нас спросил:

— Ну и как, показали?

— Ну да! — с важностью ответил ординарец Ивенсона, он же дивизионный почтальон Серый.— Во-первых, может, их и не расстреляют. На то они и пленные. А во-вторых, вдруг они возьмут да и нарежут откуда-нибудь к своим?! Понимать надо!

Я не случайно рассказал об этом эпизоде на одном из творческих вечеров в Ленинграде, когда меня спросили о том, что особенно запомнилось мне в начале и в конце войны. Многое, очень многое запомнилось мне в военные годы. И одно из самых сильных воспоминаний — физиономии фашистов в начале войны и в момент ее завершения. Какими разными и непохожими были они под Ленинградом, в первые месяцы войны, и в Крыму, под Севастополем, когда война уже поворачивалась к завершению.

Я словно бы вновь переключаю свою память, и вот на экране уже не 1941 год и не суровый, заснеженный лес, а весна 1944 года, Крым. Залитое ярчайшим солнечным светом шоссе, бегущее к Севастополю. Наши войска неудержимо идут вперед!

А навстречу шли плененные гитлеровские вояки. Шли не единицами, не десятками, а сотнями и даже тысячами. Зачастую без всякой охраны, безоружные, небритые, трусливо-жалкие. Они шли, понурив головы, вдоль обочин, шарахаясь от пролетающих мимо наших танков, самоходок и грузовых машин. И никакой больше спеси, никакой «великой Германии». Этот переворот в их сознании и в сознании миллионов людей во всем мире совершили наши замечательные скромные и отважные ребята: Костя Кочетов, Костя Белоглазов, капитан Копнин, наводчик Шилов, старшина Фомичев — все, кто дошагал до Победы и кто дожить до нее не успел...

Я люблю бродить по улицам Ленинграда, города, который после горьких дней и совместно пережитых бед стал мне близким и родным. Я подолгу стою у чугунных перил над каналом Грибоедова, слушая задумчивый плеск воды, шум весенней листвы над головой. Мне нравится влиться в торопливый поток спешащих по делам прохожих. Я люблю беседовать с самыми разными незнакомыми людьми. Кто они: рабочие, инженеры, матросы, врачи,— это неважно. Они ленинградцы! А значит, мои друзья! Иногда меня о чем-нибудь спрашивают, порой протягивают блокнот для автографа. А подчас бывает даже и такое: повстречались мне на Литейном парень и девушка, радостные, веселые. Сунули в руки цветы и говорят:

— Эдуард Аркадьевич, мы любим друг друга. Сегодня у нас свадьба. Как хорошо, что мы вас встретили! Мы очень любим ваши стихи. Пожмите нам руки на счастье!

— Охотно! — говорю я им.— С удовольствием! Но зачем же мне-то цветы? Это я должен вручить их вам!

А они поцеловали меня, засмеялись и говорят:

— Нам цветов еще надарят. А этот букет пусть будет у вас как символ нашего счастья! Спасибо! — И убежали.

Эти розы долго-долго стояли в моем номере и напоминали о счастье молодых...

Итак, последний вечер. Концертный зал у Финляндского вокзала. 9 мая. По сложившейся традиции, всякий раз, приезжая в Ленинград, кроме уже опубликованных стихов, я читаю новые, только что написанные. Одним из новых произведений было на этот раз стихотворение «Отцы и дети» — о преемственности поколений, о войне и вере в современную молодежь. И так совпало, что, когда я начал читать это стихотворение, в городе загремел салют в честь Дня Победы. Впечатление было удивительным! Получалось примерно так. Я читаю строки:

...И все-таки в главном, большом, серьезном
Мы шли, не колеблясь, мы прямо шли.
И в лихолетье свинцово-грозном
Мы на экзамене самом сложном
Не провалились, не подвели.

А за стенами гром салюта. И так после каждого пятистишия.

А последние строки

«Идите ж навстречу ветрам событий,
И пусть вам всю жизнь поют соловьи.
Красивой мечты вам, друзья мои!
Счастливых дорог и больших открытий!» —

потонули в громе салюта. Это получилось так торжественно, что переполненный зал аплодировал стоя. И я понимал, что благодарные чувства собравшихся относятся не только ко мне, а прежде всего к ним, к моим товарищам, вернувшимся и не вернувшимся с войны, стоящим сейчас незримо у меня за спиной.

Вечер длился уже три часа, но люди не хотели расходиться.

— Товарищи! Я с удовольствием прочел бы все стихи, о которых вы просите в своих записках. Но если бы я отважился это сделать, нам пришлось бы просидеть тут до утра.

Зал с энтузиазмом прогрохотал:

— Со-глас-ны!

Вконец взволнованный, я произнес:

— Спасибо, дорогие мои друзья! Но ровно через час я должен находиться на вокзале в «Красной стреле». Спасибо за все!

И мне было приятно, что студенты прямо с вечера примчались проводить меня.

Я начал разговор о Ленинграде с посвященного ему стихотворения. И закончить его мне бы хотелось финальными строками из этого же стихотворения:

И всякий раз, сюда приезжая,
Шагнув в толкотню, в городскую зарю,
Я, сердца взволнованный стук унимая,
С горячей нежностью говорю:

— Здравствуй, по-вешнему строг и молод,
Крылья раскинувший над Невой,
Город-красавец, город-герой,
Неповторимый город!

Здравствуйте, врезанные в рассвет
Проспекты, дворцы и мосты висячие,
Здравствуй, память далеких лет,
Здравствуй, юность моя горячая!

Здравствуйте, в парках ночных соловьи
И все, с чем так радостно мне встречаться.
Здравствуйте, дорогие мои,
На всю мою жизнь дорогие мои,
Милые ленинградцы!

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Над Красной площадью разнеслась барабанная дробь. Показалась колонна рослых солдат с фашистскими штандартами в руках. Четкий поворот — и вражеские знамена летят к подножию Мавзолея В. И. Ленина. Совсем недавно эту кинохронику я смотрел вместе с бывшими бойцами 263-й стрелковой дивизии. Вот бросает вражеское знамя боец из второй шеренги. Молодой, русоволосый, он четко поворачивается, и однополчане с радостью узнают в нем старшего сержанта Н. И. Кузнецова, комсорга 369-го отдельного противотанкового дивизиона.

Яркая и счастливая судьба у бойца! В начале сорок пятого он дрался с врагом под Кенигсбергом, где поджег семь вражеских танков, отбил девять контратак гитлеровцев, за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

...Орудийные расчеты, которыми командовали старшие сержанты Кузнецов и Корякин, заняли позиции в боевых порядках стрелкового батальона, оборонявшего безымянную высоту. А через нее стремились прорваться к морю окруженные гитлеровские войска. Поздней ночью гитлеровцы предприняли решительный штурм высоты. В атаку бросились автоматчики, которых поддерживали двенадцать танков и самоходных орудий.

Танки подошли к высоте. Слева грянули один за другим два выстрела — открыло огонь орудие Корякина. Вражеская машина была подбита и застыла на месте. Фашистские танки открыли ответный огонь. Этого момента и ждал Кузнецов. По вспышкам танковых пушек он определил цели. Прошло несколько секунд, и по команде Кузнецова наводчик Глазков послал в борт танку снаряд. Потом запылал еще один танк, остальные упорно лезли вперед. Вот бронированная громадина вынырнула из-за гребня высоты. До «тигра» всего восемьдесят метров! Но артиллеристы успели развернуть орудие и всадили снаряд прямо в башню. С каждой минутой бой становился все напряженнее и ожесточеннее. Но орудие старшего сержанта Кузнецова не пропустило ни одного вражеского танка.

— Старший сержант Кузнецов,— вспоминает бывший командующий 43-й армией дважды Герой Советского Союза генерал армии А. П. Белобородов,— был словно заговоренный от вражеских пуль и снарядов. Вскоре он вновь отличился, на этот раз при непосредственном штурме Кенигсберга. Я с радостью подписал представление на присвоение ему звания Героя Советского Союза.

Так отважно и мужественно сражался с врагом сын участника штурма Зимнего, комсорг отдельного истребительного противотанкового дивизиона. Его отец видел Ильича, слушал выступления В. И. Ленина в Петрограде. С именем Ленина он прошел суровыми дорогами гражданской войны, сражаясь за Советскую власть. А в июне сорок пятого сын большевика И. Кузнецова швырнул к подножию Мавзолея В. И. Ленина знамя поверженной фашистской Германии.

Фронтовой путь Николая Ивановича, словно вехи, могут обозначить ордена и медали, густо теснящиеся на груди. Две медали «За отвагу» — это еще до Крыма, до перехода через Сиваш, когда был наводчиком. Орден Славы III степени молодому командиру орудия вручили за бой на Мекензиевых высотах. Хорошо помогли тогда пушкари наступающей пехоте...

В боях за Крым его орудие не выходило из состава передового отряда дивизии. Так было и во время штурма Севастополя, штурма, о котором Николай Иванович не может вспоминать без боли в сердце.

— В отряде нас было триста бойцов. К вокзалу, над зданием которого я поднял красный флаг, пробилось только двенадцать,— вспоминает он.

За подвиг в Севастополе ему вручили орден Красного Знамени.

Затем был орден Славы II степени, а в Восточной Пруссии политотдел дивизии выпустил листовку, где бойцы расчета, которым командовал Николай Иванович, величались русскими богатырями, а сам он назван полным кавалером ордена Славы. Но так случилось, что этот орден Николай Иванович получил лишь... через тридцать пять лет. Так Кузнецов стал четвертым солдатом Отчизны — Героем Советского Союза и полным кавалером ордена Славы одновременно.

В. БЕЗРОДНЫЙ,
подполковник

ВЕШНИЕ ЗОРИ

См. разворот вкладки.

Г. ПОГОСОВ,
фото
Л. ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

●

На визитной карточке Шемахи изображена кисть винограда. Для ста тысяч жителей сладкая ягода — всему голова. В прошлом году мастера лозы вырастили в Ширванской долине более двухсот сорока тысяч тонн гроздьев. Рекордный сбор.

О чем бы вы ни заговорили здесь, гостеприимные хозяева незаметно сведут разговор к лозе. Для них она — смысл жизни, начало начал, то, что приводит в движение механизм экономического и социального ускорения.

Полвека назад на террасах, амфитеатром сбегающих к низине, прорезанной лезвием ворчливой речушки Пирсагатчай, рядом с яблоневыми и тутовыми садами были посажены первые гектары винограда сорта «Матраса». С ним связано и рождение совхоза имени В. И. Ленина. Сегодня в районе под виноградниками двадцать четыре тысячи гектаров. Они дают примерно восьмую часть винограда, выращиваемого в Азербайджане.

Семь цветов радуги переливаются в пейзажах Шемахи. Но самым любимым для земледельцев стал изумрудно-зеленый, в который окрашивается летом море виноградников, сливающееся с голубым шатром неба.

На центральной площади совхоза имени великого азербайджанского поэта-сатирика М. А. Сабира призыв: «План — норма, рекорд — доблесть». Лучше, наверное, не скажешь. Эта формула соревнования точно передает настроение коллектива, не один раз выходившего победителем во всесоюзном и республиканском социалистическом соревновании виноградарей. Нет в республике совхозов, равных этому. В минувшем году здесь собрали двадцать семь тысяч тонн винограда — более десятой части того, что дала Шемаха.

— Легкого урожая не бывает,— начинает беседу директор совхоза Ф. Дашдамиров.

Утверждать, что крестьянский сын с дипломом инженера-технолога любит свое дело—значит ничего не сказать. В этом человеке счастливо переплелись талант винодела и поэта лозы. За час беседы с Ф. Дашдамировым мы как бы выслушали оду винограду. Нежно и уважительно говорил он о лозе. Вспоминал, как нынешней зимой, необычно суровой, морозы грозили побить виноградники. Но рабочие защитили побеги, согрев их не только теплом сердца. С первыми аккордами затяжных холодов на плантации вышли более четырехсот обрезчиков лозы. Они срезали старые и побитые градом побеги, чем спасли плодоносящие глазки.

Директор с уважением назвал имена Героя Социалистического Труда С. Ахмедова, депутата Верховного Совета республики Г. Фармановой, кавалера многих орденов Т. Абдуллаева и других бригадиров.

За стаканом душистого чая разговор шел о житье-бытье, о заботах весны, созвучных призыву партии работать еще лучше. Для виноградарей все начинается с воды. В совхозе есть водохранилища — чаши на пятнадцать миллионов кубометров воды, и теперь урожаи меньше зависят от погоды. Из рукотворных озер вода бежит на поля, утоляя жажду винограда на двух тысячах гектаров.

Все познается в сравнении. С начала пятилетки производство винограда, содержащего 17 процентов сахара, увеличилось почти на десять тысяч тонн. Но в хозяйстве возросло и поголовье скота. Тут больше собирают зерновых и свеклы. Стало хватать кормов. Средняя месячная зарплата работников совхоза — более трехсот рублей. Валовой доход перевалил за сорок два миллиона, прибыль в 1984 году составила почти пять миллионов рублей.

В совхозе нам много раз приводилось слышать:

— Чем лучше работаем, тем богаче живем. Совхоз становится богаче, а страна сильнее.

Социальная программа развития хозяйства пронизана большой заботой о людях. Уютный поселок, застроенный коттеджами. Осенью появится еще одна новая улица — улица Новоселов. Здесь строительная бригада возводит двадцать домов. Есть у каждого и приусадебный участок. И еще шестидесяти семьям отведены участки для личных домов. Будут в совхозе и свои Дом быта, торговый центр, Дом торжеств с дискотекой. Будет парк. Строится баня с сауной.

На позднюю осень приходятся «пиковые нагрузки» в здешней сберегательной кассе. «Виною» всему семейный подряд! Есть уже сто двадцать бригад, укомплектованных по принципу родства. У них оплата труда по договору с совхозом, за конечные результаты. Агитировать за новое дело рабочих не пришлось. Заработки в некоторых семьях достигают более десяти тысяч рублей — это сверх оговоренной основной оплаты, так называемого помесячного аванса.

И в праздники, и в будни дом Героя Социалистического Труда бригадира С. Ахмедова напоминает детский сад. Едва мы переступили порог, навстречу нам устремились двадцать четыре внука и внучки. Уму непостижимо, как они уместились за столом, с интересом разглядывая гостей!..

Глава семьи Садраддин Ахмедов — виноградарь. Добрая половина жизни отдана любимому делу. А во время войны — солдат, с автоматом прошагал от Моздока до Австрии. О тех годах напоминают орден Славы III степени, боевые медали, да рано поседевшая голова. А сейчас... По двести центнеров винограда с гектара далеко не последнее его слово.

В дружной семье С. Ахмедова все прямо или косвенно связаны с кормилицей-лозой. Мама Хадиджа-ханум и девять ее детей, жены сыновей и мужья дочерей — все они одна бригада виноградарей, династия, сильные корни которой прочно укоренились в земле. Ахмедовым вместе с премиальными начислили восемнадцать тысяч рублей. В доме появились импортная стенка, дорогие ковры, новая посуда, модная одежда, а во дворе — «Москвич-412»...

* * *

Шемаха — один из старейших винодельческих районов Азербайджана. Кагор «Шемаха», марочная «Матраса» — гордость азербайджанского виноделия, принесли ему славу и за рубежом.

Словно струна гитары, проволока стянула столбики на винограднике. По этажам урожая поднимаются побеги. Обычно пять струн в ряду. О лозе заботы всех, кому дороги виноград и марка Шемахи. Среди виноградников и астрофизическая обсерватория Академии наук республики, и живописное Пиркули — горнолыжный центр Азербайджана, и дома-музеи поэтов, творивших на этой земле. И сам воздух в пору весеннего цветения напоен ароматом земли и поэзии И. Насими, С. Ширвани, голоса которых звучат здесь и сегодня.

С первым секретарем райкома партии, Героем Социалистического Труда Ф. Р. Мустафаевым, мы встретились поздно вечером в его рабочем кабинете. Он агроном-экономист по образованию, партийный работник по призванию.

— По-деловому готовимся к XXVII съезду партии,— говорит Фейруз Раджабович.— Весна прибавила ответственности. Потому что нынешний год особый, год праздничный! И отметить юбилей Победы над фашизмом следует по-ударному... От съезда к съезду крепнет экономика района, ускоряется социальное развитие, люди стали духовно богаче и материально живут лучше.

С нетерпением ждем осени, ждем ее, как соловьи ждут весну! Год напряженный, и он покажет, на что мы способны.

...До свидания, Шемаха! Счастья тебе, ширванская степь!

среди книг

●

ОБВИНЯЕТСЯ СИОНИЗМ

Вполне объяснимо большой интерес, проявленный читателями к впервые изданной в 1977 году книге «Дикая полынь». Темпераментно и остро написанная писателем Ц. Солодарем в жанре художественной публицистики, она на документальной основе убедительно обнажила классовую и расовую сущность современного сионизма, его опасность для дела мира и прогресса, последовательное смыкание его преступлений с кровавой практикой фашизма.

И вот уже третье, значительно дополненное издание «Дикой полыни».

«Фанатики», «Бывшие», «Двойные», «Лжецы», «Террористы», «Неонацисты», «Обреченные» — так предельно кратко и выразительно озаглавлены разделы книги. В каждом из них показаны во всей неприглядности империалистические корни фанатической, оголтелой вражды сионистов к социалистическому строю. Вражды, закономерно выдвинувшей международный сионизм в число ударных отрядов возглавляемого реакционными кругами США «крестового похода» против коммунизма.

Первопричина неослабевающего читательского интереса к «Дикой полыни» заключается, на мой взгляд, в том, что вся книга написана от первого лица, что писатель рассказывает только об им самим увиденном, о своих встречах и беседах с десятками поименно названных сионистских функционеров, с сотнями их жертв. О предательской деятельности сионистов в первые послеоктябрьские годы Ц. Солодарь повествует не на основе уже публиковавшихся материалов, а опираясь на воспоминания о своем детстве и юности на Украине. И снова конкретные факты, подлинные имена и точные, как говорится, время и место действия. Это придает книге характер доверительной беседы.

Если рассказывается о фарисейских контактах сионистских лидеров с приближенными Гитлера, то в основе лежат документы, обнаруженные советскими офицерами в поверженном фашистском Берлине, где автор закончил свой путь военного корреспондента. Если приводятся примеры диктата религиозных фанатиков и распрей между «стопроцентными» и «второсортными» евреями, то это почерпнуто не только из вынужденных признаний сионистской прессы, но и рассказано автору многими и многими беглецами из израильского «рая».

Правдиво и убедительно показывает книга печальные последствия стратегического союза США и Израиля, захватнические операции израильской военщины в ближневосточном регионе, зверские расправы сионистских оккупантов с ливанскими и палестинскими арабами. На этом мрачном фоне особенно впечатляют страницы о самоотверженной борьбе Коммунистической партии и комсомола Израиля, сплотивших в рядах Демократического фронта за мир и равноправие честных, антисионистски мыслящих израильтян.

Книга Ц. Солодаря во весь голос говорит о непреложном долге каждого советского гражданина еврейской национальности быть вместе со всеми народами своей социалистической Родины на стороне правого дела палестинских и ливанских арабов и внести свой вклад в борьбу с фашиствующим сионизмом.

М. КРУПКИН,
кандидат юридических наук,
заместитель председателя Антисионистского комитета советской общественности

Ц. Солодарь. Дикая полынь, М., «Советская Россия», 1984. 416 с.

Стихи Джека Лондона

Джек Лондон собирался стать поэтом, а не прозаиком. Он основательно изучил стихосложение, сочинял вилланели, триолеты и другие поэтические произведения, трудные по строфике. «Я буду подчинять мысль технике, пока не овладею последней, а тогда стану поступать наоборот»,— писал Джек Лондон о своих поэтических опытах.

Став известным новеллистом и романистом, Лондон продолжал писать стихи. Они, по его словам, помогали в создании прозаических произведений, оттачивали перо. Стихи были для него пробой сил, в известном роде развлечением и самоутверждением. Так или иначе, но при жизни Джек Лондон напечатал с десяток поэтических произведений. Два-три стихотворения появились после смерти. Однако основная масса стихов осталась в архиве.

Вершиной поэтического вдохновения писателя считают драму «Желудевый плантатор» (1916 г.), написанную, как и знаменитая «Гайавата» Лонгфелло, тетраметром.

По мнению некоторых критиков, к числу которых принадлежит Макдевитт, Джек Лондон мог бы занять видное место в американской поэзии, если бы всерьез занялся ею. В его стихах встречаются подлинные прозрения, и порой кажется, что они написаны не восемьдесят лет тому назад, а сегодня.

Публикуем впервые на русском языке два стихотворения Лондона: «Если бы я был богом» (1899 г.) и «Путь войны» (1906 г.). Делясь как-то своими раздумьями о причинах и последствиях войны, писатель сказал, что «война противоречит здравому смыслу. Человек чувствует, что она будет ошибкой, абсурдом и к тому же слишком дорогим. Достигнутые результаты не окупят понесенного урона. Как в споре между людьми, где третейское решение гораздо разумнее кровавой драки, так и в споре между государствами, как убеждается человечество, третейское решение гораздо разумнее».

Виль БЫКОВ, кандидат филологических наук

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ БОГОМ

Если бы я был богом,
И озирая землю с высоты,
Заметил, что гуляете здесь вы,
Если бы я был богом,
А вы кокетничали с этим... да,
Кокетничали — я б сошел с ума,
На волю б вырвался мой страшный гнев,
И дерзкого к стопам вашим поверг,
Если бы я был богом.
Если бы я был богом,
И, дивная, в саду вас увидал,
Я над собою власть бы потерял,
Если бы я был богом.
Один ваш взгляд, божественная Нан,
Я бросил прочь бы власть свою и сан,
Оставил небо и на землю пал,
И здесь, на грешной, человеком стал,
Если бы я был богом.

Перевел с английского В. БЫКОВ.

ПУТЬ ВОЙНЫ

Неандерталец обломки бросал,
В гневе подобранные у скал.
Враг сквозь кустарник бежал напролом,
Скрылся за дерева толстым стволом.

Неандерталец придумал копье:
Вот уж теперь он любого убьет!
А неприятель, проведав о том,
Спрятался вскоре за прочным щитом.

Позже, потратив годы труда,
Грозные замки воздвиг феодал.
Но и врагам его
разум был дан —
Стены крушил
их тяжелый таран.

Рыцарь в доспехи себя заковал,
Чтобы убитым не быть напозал.
Враг же, отбросив стрелу и копье,
Против доспехов придумал ружье.

Перехитрить неприятель решил,
Борт корабельный он сталью обшил.
Враг изобрел бронебойный снаряд,
И корабли, словно факел, горят.

Не отступил человек ни на шаг,
Катер торпедный придумал.
Но враг
На воду тут же эсминец спустил,
Все океаны избороздил.

Будет оружие веку под стать,
Сможет всю землю в куски разорвать.
Если спасенья не станет нигде —
Ринутся люди к соседней звезде.

Сможем планеты мы в небо метать,
Сможем верхом на кометах летать,
Сможем мы в космосе смело парить,
Сможем оттуда всю Землю спалить.

Знайте: от града направленных звезд,
Гибель несущих за тысячу верст,
Только лишь вихри смертельные взвоют —
Новым щитом себя люди прикроют.

Если же враг смерть обрушит с небес,
Ждите спасения не от чудес:
Новым оружьем агрессор грозит,
Но человек и его отразит!

Перевели с английского В. БЫКОВ и Е. ОЛЕЙНИК.

Павел РУЛЕВ

О ХЛЕБЕ

Моя бабушка — полячка из Белостока, когда затворяла тесто, обязательно его заговаривала: начинала увещательно, мол, хорошенько взойди опарой, не бойся, а заканчивала приговор ясным и открытым голосом, как честный человек на суде перед лицом людей; последними же словами были: «Тшего нема — тего нема!» То есть зависти или худых мыслей, неправды или тайных помыслов, чего нет — того нет, а пеку я хлеб с чистой совестью, не ворованный, а трудом заработанный.

Пекись на славу и радость.

Да только этой радости мы видели так мало, что бабушка Софья не набрала сил выжить, когда простудилась. Дед мой Павел умер еще в блокаду. Так и вышло, что приехала за мной в Калининскую область вторая моя бабушка — ассирийка. Ее звали Ануш. И увезла далеко на берег Аракса в село Кялагарх. Там все для меня было новым: и язык, и люди, и хлеб. Лишь нужда осталась старая.

Но постепенно жизнь улучшилась, пошли урожаи, и бабушка все чаще пекла в тендире лаваши. Это хлеб пресный, не дрожжевой, но очень вкусный, как и любой настоящий хлеб.

В особом хлебном доме с утра протапливались круглые глиняные печи, вкопанные заподлицо в земляной пол. Раскатанное до размеров большого листа тесто ловко перекидывается с руки на руку, перелетает, пластаясь по воздуху, делаясь все тоньше, потом натягивается на рафаду — плетеную из ивовых прутьев овальную раму, на которую уложили хлопок и обтянули, как подушку, полотном,— затем бабушка ныряет головой в горячий тендир и прилепляет тесто к его горячему боку.

Через полминуты первый лаваш извлечен и положен на белое полотно. Тендир прикрывается крышкой. «Внуче-эк»,— зовет бабушка Ануш.

— Слушаю вас, бабушка.

— Пойди за ворота, посмотри, кто идет?

Я выходил за высокие ворота и всматривался то в один, то в другой конец кривой улочки, зажатой глиняными дувалами.

— Никого,— вернувшись, докладывал я бойко.

— Еще раз сходи...

— Идет тетушка Мариам!

— Не годится. Жди мужчину.

— Идет сосед наш, дедушка Андо!

— Очень хорошо. Останови его, поздоровайся и скажи, что бабушка зовет попробовать хлеб — получился ли.

Я в точности выполняю наказ.

— Сейчас буду, внучек,— говорит мне сосед и велит отправляться во двор. И далее он три раза висячей стукалкой бьет по плашке.

— Внучек, спроси, кого нам бог послал?!— наставляет Ануш.

— Кого нам бог послал? — спрашиваю, стоя за воротницей.

— Я путник,— отвечает дедушка Андо.

— Внучек, а теперь говори так: «Не зайдете ли к нам испробовать свежего хлеба?»

Повторяю слова бабушки, сосед соглашается, после чего я распахиваю воротницу, и дедушка Андо, как неизвестный нам путник, входит и здоровается.

Бабушка на двух руках подносит ему хлеб и просит откушать. Путник строго благоговейно и в то же время нежно отрывает кусочек, жует, произносит ритуальные слова:

— Семьдесят шесть лет живу на свете, а такого вкусного хлеба не пробовал...

Однажды, сколько я ни высматривал мужчину, никого на дороге не увидел. Все в полях, хоть и рано.

Тогда бабушка сказала мне так: «Тендир стынет, а мужчин нет... Стучись сам, внучек».

И я, как положено, три раза ударил стукалкой.

— Кого нам бог послал?

— Я путник...

Поднесли мне хлеб, я быстренько съел кусочек и сказал:

— Десять лат живу на свете, а такого вкусного хлеба не пробовал.

Помню, бабушка заплакала. И две соседки, пришедшие на помочи печь хлеба,— тоже. А я хотя и был серьезен в тот момент, но весел и беспечен в душе своей детской.

Однако ничего на свете не проходит даром. И сегодня, когда я беру в руки хлеб, то невольно считаю: вот уже сколько прожил годов. И что я путник...

Наш красный флаг

С давних пор красный цвет был стихийно избран символом борьбы за свободу и справедливость, звал на восстание против угнетателей, вел революционные массы к победе. Именно красный цвет флага стал наиболее емким интернациональным символом единения трудящихся всего мира.

В Европе бурные крестьянские восстания поднимались под красным флагом. В июле 1789 года красный стяг реял над парижскими восставшими бедняками, штурмом взявшими Бастилию. 5 и 6 июня 1832 года парижские пролетарии подняли над баррикадами красное знамя восстания. Именно с этой поры пролетариат навсегда связал себя с красным флагом и красным цветом.

В 1861 году пятьдесят тысяч взбунтовавшихся крестьян Чембарского уезда Пензенской губернии России выступали с импровизированным красным флагом — красным платком, который был прикреплен к шесту, вставленному в отверстие ступицы положенного на телегу колеса. А 6 декабря 1876 года красное полотнище с надписью «Земля и воля» было впервые поднято на открытой политической демонстрации студентов и рабочих у Казанского собора в Петербурге. Поднято руками рабочего Якова Потапова.

Летом 1905 года под красным флагом возник самый первый в России Совет — Совет рабочих уполномоченных. Красный флаг вел пролетариев России от Февральской революции к Великому Октябрю, к победе социалистической революции. И когда возник вопрос о Государственном флаге новой, революционной России, председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Я. М. Свердлов на заседании ЦИК 8 апреля 1918 года сказал: «...Ясно для каждого революционера, что нашим флагом должен быть тот боевой красный флаг, с которым мы шли в борьбу с самодержавием и затем с буржуазией, а подпись на нем должна быть — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика».

Каким же стал самый первый Государственный флаг СССР? Вопреки сложившемуся мнению он не был таким, как нынешний.

7 июля 1923 года в газете «Известия» был опубликован текст Основного Закона (Конституции) Союза ССР, где статьи 70 и 71 гласили: «Ст. 71. Государственный флаг Союза ССР состоит из красного или алого полотнища с изображением Государственного герба. Ст. 70. Государственный герб Союза ССР состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах Солнца и обрамленном колосьями с надписью на шести языках, упомянутых в ст. 34: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Наверху герба имеется пятиконечная звезда».

В коллекции флагов, принадлежащей одному из авторов этих строк, Н. Н. Семеновичу, бывшему старшему хранителю знаменного и флажного фонда Государственного Эрмитажа, сохранился отпечатанный многоцветный малоформатный флаг описанного вида, по-видимому, служивший в свое время образцом для массового изготовления государственных флагов. Сегодня такой флаг — самый первый Государственный флаг СССР — существует едва ли не в единственном экземпляре.

Жизнь столкнула изготовителей флага с серьезной по тому времени трудностью: сложность воспроизведения многоцветного герба. Здесь нужны и художники, и красители, и база для массового выпуска единообразных флагов. Посыпались запросы, предложения. А время шло.

В результате 12 ноября 1923 года ЦИК СССР вынужден был принять новое решение: «Во изменение ст. 71 Конституции Союза ССР 3-я сессия Центрального Исполнительного Комитета постановляет: Государственный флаг Союза ССР состоит из красного или алого полотнища с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой...»

...Через годы пятилеток, через огонь невиданной битвы — Великой Отечественной войны — с честью пронесен наш славный красный флаг — Государственный флаг СССР.

Н. СЕМЕНОВИЧ,
В. МИЛАНОВ

Так выглядел самый первый Государственный флаг СССР.

«Недавно исполнилось 90 лет со дня рождения ученого, конструктора авиационных двигателей академика А. А. Микулина, так много сделавшего для Великой Победы над фашизмом. Очень бы хотелось встретиться с ним на страницах журнала в наш великий праздник 9-го Мая».
Семья Филимоновых.

Иркутск.

●

Имя лауреата нескольких Государственных премий академика Александра Александровича Микулина широко известно. А недавно к славе выдающегося конструктора авиационных двигателей прибавилась известность человека, создавшего свою систему борьбы со старостью. Убедительность ее — в личном примере. Книга академика Микулина «Активное долголетие» стала чрезвычайно популярной.

По просьбе читателей мы встретились с академиком.

творцы победы

Академик
А. А. МИКУЛИН,
Герой
Социалистического
Труда

В

— Известно, что фашисты считали штурмовик «Ил-2» «черной смертью»: от этого «летающего танка» им не было спасения. Александр Александрович, как родился этот самолет?

— Думаю, не надо объяснять, что судьба любого самолета зависит от мотора. Эту истину мне объяснил еще мой дядя — Николай Егорович Жуковский — «отец русской авиации». «Запомни,— говорил он.— Мотор — сердце самолета, поэтому работать он должен безотказно».

История с «Ил-2» началась так. Пригласил меня к себе известный конструктор Сергей Владимирович Ильюшин и рассказал о проекте совершенно нового типа самолета, со стальной бронированной капсулой, в которую он хотел поместить мотор, летчика, а для защиты с воздуха — еще и стрелка. «Нужен мощный мотор, Александр Александрович! — сказал он.— И надежный». Я понимал, что Ильюшину необходим новый мотор, невысотный, потому что летать штурмовик будет на бреющем полете. Но это годы работы... Я предложил обкатать идею со штурмовиком на самом мощном в мире моторе, который мы тогда выпускали. Ильюшин согласился, и первый опытный образец такого мотора я ему передал в конце 1939 года.

Вскоре я был приглашен на испытание «Ил-1». С моей точки зрения, взлет, фигуры пилотажа, тактические маневры и посадка прошли хорошо. Летчик-испытатель Коккинаки подошел к Ильюшину, и тот обнял его: «Хорошая машина».

Но военные отнеслись к ней холодно. Особенно один товарищ, спорить с которым было трудно, как и возражать. Он так и сказал: «Коккинаки — мастер показывать самолеты: мы не первый у него принимаем, но этот для военных целей не годится — недобирает скорости».

Ильюшин очень огорчился. Самолет запрятали в ангар, сняли мотор. Хотя мощность мотора была 1350 лошадиных сил, Ильюшин спросил: «Нельзя ли форсировать до 1600?»

Я сказал, что ничего невозможного нет! Но мотор-то высотный, а для штурмовика нужен специальный. Тут же мы попросили Наркомат авиационной промышленности включить в план сверхплановый новый мотор. Однако мне ответили: «Правительственный план на 1940 год перегружен, да и заказчик — ВВС — «энтузиазма не проявляет». Настойчивые просьбы Ильюшина и мои не помогли.

Я раньше занимался проектированием моторов для первых танков и представлял, какую пользу может принести «летающий танк».

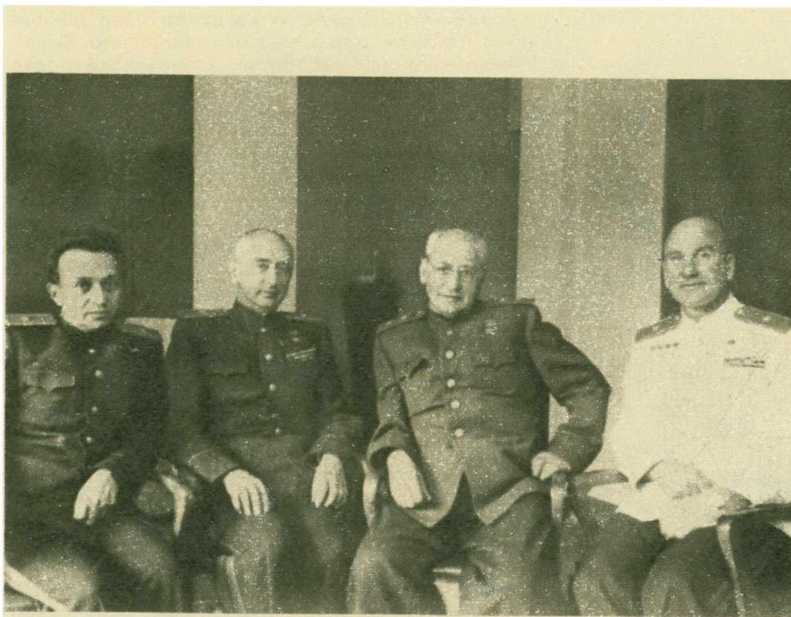
Этими мыслями я поделился с главным инженером завода Алексеем Александровичем Куинджи. Тот согласился оказать помощь при изготовлении нового мотора за счет плановой работы, без специальных ассигнований, материально-технического снабжения, даже без чертежной бумаги, которая тогда строго лимитировалась. Все это я объяснил «инициативной группе» своих конструкторов. Мы стали на обратной стороне обоев, которые у меня остались после ремонта квартиры, чертить «белки» и по ним изготавливать детали и узлы прямо в цехах. Два мотора были изготовлены и собраны тайно. Даже директор завода ничего не знал. В начале 1940 года мотор был испытан и передан Ильюшину для установки на самолет.

По итогам года мне влепили выговор за перерасход средств.

Скоро Ильюшин позвонил мне среди ночи домой: «Ну, Микулин! Такой прыти я от тебя не ожидал! Это сродни чуду! Я не поверил! Посмотрел — действительно новый мотор! Немедленно ставлю на испытание».

Через несколько дней он опять звонит: «Это чудо! Условия военных мы перекрыли на 50 километров в час. Военные обрадовались и поехали докладывать Сталину. Жди событий!».

В два часа ночи меня подняли с постели и привезли в Кремль. Сталин сам вел заседание со всем синклитом авиационной промышленности. Военный летчик сказал, что «на самолете стоит такой мощ-

Выдающиеся конструкторы (справа налево): А. А. Микулин, А. Н. Туполев, В. Я. Климов, А. И. Микоян.

Фото Музея Н. Е. Жуковского

З Л Е Т

ный мотор, что можно взлетать почти без разбега. Все требования значительно перекрыты, и надо немедленно запускать его в серию...»

Сталин спросил у Ильюшина: «Много ли работы с чертежами?»

Ильюшин ответил: «Чертежи готовы!»

— А как у вас, товарищ Микулин? — обратился он ко мне.

— У нас чертежей нет, товарищ Сталин! — говорю я, только теперь понимая всю ответственность за «инициативу» — ведь ни директор завода, ни нарком об этом моторе ничего не знают.

— Как нет чертежей? — удивился Сталин.— Мотор есть, а чертежей нет?

— У нас это сверхплановый мотор. Мы не имели ни времени, ни людей, чтобы делать чертежи. Мы от руки рисовали эскизы и передавали их в цехи, на станки. Сделали два экземпляра, можно сказать, тайно: никаких документов на них нет и в картотеке завода они не числятся... Все данные об испытании — у меня в кармане. Он развивает мощность в 1600 лошадиных сил!

— Не может быть! — удивился Сталин.— Откуда же взялось еще 250 лошадиных сил? Я стал объяснять, но он прервал: «Все ясно! Я даю три месяца на серийную постановку этого мотора».

Тут встал товарищ из Наркомата авиационной промышленности и, не владея собой, сказал: «Как же можно? Новый мотор требует по меньшей мере полтора года»...

Сталин нервно ткнул трубкой в сукно стола: «Три месяца на чертежи и месяц на подготовку! Заседание закрываю!»

Скоро мотору было «прибавлено» еще 100 лошадиных сил путем охлаждения воздуха после компрессора, что позволило Ильюшину сделать самолет неуязвимым. А к концу войны мощность мотора была доведена до 3000 лошадиных сил.

— Перечислите, пожалуйста, на каких самолетах стояли двигатели вашей конструкции за всю вашу творческую деятельность в авиации?

— Я не буду называть моторы, которые я проектировал для танков, аэросаней и авиэток. Первым серьезным испытанием была установка на самом распространенном самолете конструкции Поликарпова «Р-5», который оказался наиболее «выносливым» при спасении челюскинцев. На этом самолете Николай Петрович Каманин вывез со льдов Арктики бо́льшую часть челюскинцев. Затем — знаменитые машины Андрея Николаевича Туполева «АНТ-25», на которых совершены все рекордные полеты в стране и через Северный полюс в Америку. Самолеты периода Великой Отечественной войны и послевоенной авиации только перечислю: тяжелый бомбардировщик ТБ-3, с которого в августе 1941 года наши летчики бомбили Берлин, штурмовик «Ил-2», бомбардировщик «Пе-8», на котором нарком иностранных дел летал в период войны в Англию и Америку, истребители «МиГ-3», «МиГ-19» и «МиГ-21», реактивный бомбардировщик «Ту-16» и первый пассажирский реактивный самолет «Ту-104», реактивный истребитель-перехватчик «Як-25» и другие.

— Творчество изобретателя всегда овеяно некоторой таинственностью. Расскажите о своей изобретательской «кухне». Что позволило вам так успешно работать? Что бы вы хотели пожелать молодым изобретателям?

— Раскрою свой главный «секрет». Я сохранил его с детства. Родителей я поражал способностью перевоплощаться во что угодно. Меня, например, совершенно не смущало, что автомобиль — неодушевленный предмет. Входил в его роль в меру моих знаний. Родителям Жуковский сказал: «Если ему это интересно, то, кроме пользы, ничего не будет».

Позже я заметил, что при конструировании почти физически ощущаю на себе «влияние» отдельных деталей и конструкции в целом. Что такое мотор? Сложнейшее устройство, которое работает по законам механики и термодинамики. Какие только силы не действуют на детали мотора! Так вот, моим девизом был такой: «Никогда не боритесь с силами, а устраняйте их». Надо всегда искать такое техническое решение, которое обеспечивало бы уравновешивание этих сил. А это чаще всего требует нового подхода — изобретения. Другим девизом, которому я следовал всю жизнь и советую следовать молодым, был такой: «Не «брать» чужой мотор, чужое изобретение, потому что с его достоинствами усваиваются и недостатки, которые порой невозможно устранить в конце работы. Зря потеряешь время». И еще советую молодым всегда быть стойкими. Когда я, например, предложил конструкцию мотора, в котором было осуществлено около десяти изобретений, то ученые подняли меня на смех. Но эту конструкцию я выстрадал: отдельные узлы снились мне по ночам. Я даже чувствовал определенный дискомфорт, пока не принимался за расчеты и конструирование. Но прежде всего я насыщал мозг без передышки всей необходимой информацией, знал, что уже сделано в этом направлении, отвергал всяческие компилятивные варианты. Все это «варилось» в подсознании, пока напряжение не «пробилось» сильной идеей. Решение может прийти в самом неожиданном месте, во сне, от случайной аналогии. Вот пример. Я никак не мог «прибавить» мотору 200 лошадиных сил. На большой высоте воздух разрежен, и мотору его не хватает. Я поставил специальный нагнетатель, но мотор стал «взбрыкивать», давать обратное вращение. Очень неприятное явление. Я много о нем думал, рассчитывал.

Однажды слушал оперу «Пиковая дама». Когда Герман поднял пистолет, я вдруг увидел в изгибе руки с пистолетом вал с компрессором, а дальше ясно то, что искал,— радиатор. Я тут же выскочил из ложи и на программке набросал схему. Назавтра начал монтаж, и при первом же испытании получил лишних 200 лошадиных сил. Конечно, решение зрело в подсознании. Достаточно было внешней аналогии, как все стало на свои места.

Вживание в «образ» характерен не только для актеров, писателей, но и изобретателей.

На экзаменах в вузе я обычно задавал студентам необычные вопросы. Например, что произойдет с новой сковородкой, если ее поставить на сильный огонь. По характеру объяснения я мог довольно точно сказать, творчески ли мыслит студент. В таком же духе принимал на работу.

Изобретатель, по-моему, высшая должность в научном и техническом творчестве. Хотя я и написал много научных трудов, но больше всего ценю свои изобретения, польза от которых стране неизмеримо выше...

— Какая из ваших идей принесла вам наибольшее удовлетворение?

— После Великой Отечественной войны закончилась эра поршневых моторов и установилась эра реактивных самолетов. Моторы к ним конструировались на принципе газовых турбин: чем больше мощность, тем больше диаметр. Такие моторы мы сделали для первого пассажирского авиалайнера «Ту-104». Тогда это был самый мощный мотор в мире. Он едва вписался в современные габариты самолета.

Тогда я предложил мини-реактивные моторы, которые вписывались в те же габариты, но были почти вдвое легче. И опять солидные ученые «разнесли» эту идею в пух и прах. Однако я от нее не отказался, и она была принята после того, когда истребители на этих моторах стали уходить за «два звука».

— Чувствуется: внедрение — для вас вопрос наболевший, хотя почти все ваши изобретения так или иначе получили путевку в жизнь. Что бы вы хотели в этой связи рассказать о ваших изобретениях?

— Для укрепления обороны СССР мною создано немало. Но труд изобретателя ценен еще и тем, что он не привязан к определенной отрасли, а является отражением мирового уровня технической мысли. Поэтому идеями наиболее развитых отраслей науки и техники «кормятся» многие: технический всплеск в авиации породил космическую технику, дал обильную пищу для атомной, электронной, автомобильной и многих других отраслей промышленности.

Идеи, не реализованные в авиации, я сейчас переношу на автомобильную промышленность: создаю турбопоршневой, антитоксичный, очень экономичный двигатель. По классификации ООН, автомобиль — главный загрязнитель окружающей среды. Просто поразительно, как неэкономно устроен автомобильный двигатель. Мало того, что больше трети топлива у него вообще не сгорает, так он губит все живое продуктами полусгорания.

Накануне Дня Победы мне особенно приятно вспомнить, что и мой труд помог нам всем, народу выстоять и победить в Великой Отечественной войне. И, надеюсь, что мне еще удастся поработать на благо Родины.

Беседу вел
Николай ХЛЕБОДАРОВ.

Сергей КАРАКОЗОВ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Булат

Мы сейчас же, как только он представился командиру отделения, снисходительно нарекли его Петрей.

Он был маленький, этот солдат Петря, а вещевой мешок большой. Такой большой, что скрывал почти всю его неширокую спину. Казалось, что мешок был под завязку набит кирпичами или патронами в обоймах, в которых у нас постоянно была крайняя нужда.

Уже месяц наша рота сидела в буквальном смысле слова у черта на болоте. Единственная тропочка-ниточка связывала нас с батальоном. А ниточка, она и есть ниточка — непрочная, ненадежная. Бабахнет немец, и разорвет ее, только пузырьки забулькают, будто предупреждая об опасности. Перед каждым походом к нам старшина долго ломает голову, что важнее доставить в первую очередь — щи с кашей или патроны с гранатами,— и решить не может, потому как и то, и другое было для нас жизнью.

Конечно, о кирпичах в вещмешке я так сказал, для образности, а вот то, что у него в вещмешке были наверняка патроны, как-то сразу заставляло всех нас проникнуться к Петре уважением.

— Видать, ты парень запасливый,— похвалил его старый вояка ефрейтор Шклябенко, которого мы уважительно называли между собой дядькой Иваном.

Рослый ефрейтор не без восхищения осмотрел тщедушную фигуру Петри и сделал авторитетное предположение, что со временем из него наверняка выйдет добрый ротный старшина.

Петря смущенно переминался с ноги на ногу, а при словах дядьки Ивана и вовсе закраснелся.

— Ну ничего,— подбодрил солдата дядька Иван,— не к чужим, к своим пришел. Давай-ка помогу разоболокнуться.

— Да я сам,— промолвил Петря и ловко сбросил вещмешок на землю.

Так ни кирпичи, ни тем более железо не сбрасывают. Мы во все глаза смотрели на Петрю. Только мужское самолюбие мешало нам проявить немедленное любопытство к его мешку. Но он, наверное, и сам понимал наше ожидание и, как-то извиняюще улыбнувшись, сказал просто:

— Книжки там у меня.

Кто-то присвистнул, а общее наше разочарование выразил все тот же авторитетный дядька Иван.

— Да будет тебе известно, хлопче,— проговорил он не без ехидства,— воюют не книжками, а пулями да снарядами.— И тут же заинтересовался: — Не прямым ли путем от мамки заявился ты на фронт?

Нет, оказалось, из госпиталя прибыл к нам солдат Петр Гарун. И когда он снял шинель, мы по двум медалям «За отвагу», что были в недобром для нас сорок втором еще редкостью на груди солдата, воочию убедились, что Петря вовсе не маменькин сынок, а, может быть, утрет нос некоторым из нас, хотя бы и нашему дядьке, имевшему всего лишь медаль «За боевые заслуги», которая в то время тоже была редкостью, но все равно считалась достоинством пониже, чем «За отвагу».

На слова дядьки Ивана о том, что воюют не книжками, а пулями да снарядами, Петря не обратил никакого внимания.

Было у нас в тылу укромное сухое местечко. Там мы отдыхали после дежурства на «передке» — так называли передовую. У нас был блиндаж, где могло разместиться отделение. В блиндаже стояли нары, стол и на столе — лампа из снарядной гильзы. Вечером новый сослуживец занял почетное место у этой лампы и читал нам «Железный поток» Серафимовича. Читал бесстрастно и вроде бы монотонно, а слушали мы его так, будто перед нами был настоящий чтец-декламатор. В перерыве первым пришел в себя наш дядька Иван Шклябенко. Он подошел к столу и долго смотрел на книгу, будто перечитывал ее, и вдруг попросил у Петри прощения.

— Образования-то у меня никакого, за меру картошки,— проговорил он,— вот и думал, что книжки так, баловство при отдыхе. А оно вон что оказывается. Книжка тоже может быть снарядом — стрелять в самую душу...

Немногие из нас, молодых солдат, родившихся и выросших в советское время, знали, что значит иметь образование «за меру картошки». А ничего таинственного в этом не было. Дядька Иван взрослел при старом режиме, а тогда учили крестьянских детей чаще всего сельские дьячки и получали за свой труд натурой — мерой картофеля или каких-нибудь других продуктов.

Потом Петря читал нам по памяти стихи Александра Сергеевича Пушкина, и мы утром могли убедиться, что у нашего дядьки Ивана была превосходная память. Как заклинание, как клятву, на следующий день декламировал он бессмертные пушкинские строки:

...Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Мы выковали из себя булат, и в том же сорок втором немцы под Сталинградом узнали сокрушающую силу его...

Вскоре ранили нашего Петрю, а книжки его шли с нами дорогами Победы. Вещмешок Петри теперь носил он, дядька Иван, никому не передоверяя драгоценной ноши.

Корень жизни

Нашим ключевским ребятишкам смешным кажется, когда дед Апанас Афонин полынь седую цветком называет. И еще более смешным кажется то, что старый Апанас серьезно уверяет, будто цветок полынь чуть ли не корень жизни: недаром он зацветает в одно время с липой-медовухой, рябиной красной и донником — растениями, человеку полезными.

Когда внука провожали в армию, дед Апанас не поленился сходить в степь аж к Белому Мару, вековому кургану, за этой самой полынью, принес большой букет и с другими подарками уложил в чемодан внука.

Когда же старого солдата спросили, почему ему так полюбилась сизая полынь, он рассказал такую историю.

В то памятное для него лето вечерами уж очень горели зори, прямо-таки пожаром полыхали, а он, дед Апанас, тогда еще не дед, а сорокалетний солдат, лежал на поле, не в силах головы поднять, и смотрел в небо. А потому солдат не мог поднять головы, что обе руки его и правая нога прострелены пулями и вдобавок еще в правом плече осколок засел. Но не ранения были страшны для солдата — самое страшное было то, что отступили наши.

...Прижался Апанас щекою к земле, будто прощался с нею, и тут... почувствовал он терпкий запах полынка. И как будто увидел Апанас и Ключики свои, и хату в них, и жену, и детишек маленьких, увидел и поля колхозные, на которых он знал все бугорки и впадинки, потому что не было в колхозе поля, которое он, знатный в районе тракторист, не пахал или не засевал на стальном коне. И когда пахал он или сеял, то с ранней весны до позднего лета запах сизого полынка сопровождал его. Тогда-то Апанас не придавал особого значения этому запаху, даже поругивал иногда никчемную траву. А теперь, на поле боя, будто посланцем родных полей объявился перед ним пахучий полынок. Словно пришел и сказал: «Перед врагом пасуешь? Ключики свои забыть хочешь?»

Сорвал солдат сизый полынок, в карман гимнастерки его положил, и нашлись у него силы перевязать болящие раны.

Былинку полыни он хранил до самого Дня Победы. Вот почему старый Апанас полынь цветком, корнем жизни величает и очень гордится, что и внук дорожит его подарком.

Волгоград.

А. Наседкин. Род. 1924. ЗЕМЛЯ. 1982.

Художественная выставка «Земля и люди».

К. Добрай. Род. 1943. ПРАЗДНИЧНОЕ УТРО В РИГЕ. 1984.

Художественная выставка «Земля и люди».

Б. СОПЕЛЬНЯК

...Шли тропою партизаны

Хорошо известно, как велик вклад партизан в дело Победы над фашистской Германией. Более одного миллиона партизан и многие тысячи подпольщиков сражались в годы войны в тылу врага. Они уничтожили и захватили в плен около миллиона фашистов и их пособников, вывели из строя свыше четырех тысяч танков и бронемашин, разрушили и повредили 1600 железнодорожных мостов, сбросили под откос более 20 тысяч эшелонов.

Особенно важно то, что наиболее крупные операции, такие, как «Рельсовая война» и «Концерт», проводились в то время, когда части Советской Армии готовились к сражениям на Курской дуге и форсированию Днепра. Дезорганизовать тыл противника, сорвать подвоз пополнения и боеприпасов — такова была задача партизан, и они ее выполнили.

Много важных сведений добыла партизанская разведка. Время начала операции «Цитадель» на Курской дуге, расположение ставки Гитлера под Винницей, подготовка покушения на глав союзных держав во время Тегеранской конференции — эти и многие другие тайны третьего рейха раскрыли партизанские разведчики.

Обо всем этом рассказали на пресс-конференции, организованной Министерством иностранных дел СССР, руководители партизанского движения, участники героических рейдов по тылам врага. Конечно же, в этой встрече участвовали далеко не все представители партизанских отрядов и соединений, а урон врагу они нанесли немалый. С некоторыми из них мы решили познакомить наших читателей.

ПОЛК «13»

В послевоенные годы многие гитлеровские генералы и фельдмаршалы писали о «неиспользованных возможностях» и «упущенных победах». В этих книгах и статьях военачальники пытаются так или иначе оправдать свои поражения в минувшей войне. Но чтобы фашистские генералы и военные историки старательно объясняли, почему гитлеровские войска не могли справиться с одним-единственным партизанским отрядом, такого еще не было. Между тем подобного рода книг, исследований и журнальных публикаций немало.

Вот изданная в ФРГ книга «Советско-русская партизанская война с 1941 по 1944 год в свете немецких боевых распоряжений и приказов». Ее автор Э. Хессе пишет: «Одним из наиболее активных крупных партизанских соединений проявил себя здесь партизанский полк под командованием Гришина... Много раз полк пересек тыловой район группы армий «Центр» с юга на север и с севера на юг...»

В журнале «Веркунде» подполковник в отставке Х. Крайдель в статье «Охота на Гришина» с горечью констатирует: «Борьба с отрядом Гришина проводилась с переменным успехом всеми охранными дивизиями тылового района группы армий «Центр». ...Этот отряд стал одной из опаснейших и активнейших банд в тыловом районе... Преследование этого сильного отряда шло через всю полосу группы армий...» Немало строк посвящают отряду Гришина и американские авторы. Они тоже вынуждены признать, что этот полк «являет собой превосходное олицетворение хорошо организованного партизанского отряда».

А когда я увидел карту командующего тыловым районом армий «Центр», которая буквально испещрена пометками «Гришин... Гришин... Гришин», то не удержался и спросил:

— Неужели все это вы? Как вы могли одновременно находиться сразу в нескольких местах, да еще на такой огромной территории?

— У страха глаза велики,— улыбается Сергей Владимирович Гришин.— Конечно же, войну, между Дорогобужем, Минском, Торопцом и Гомелем действовал не только наш отряд. Но так как он был рейдирующим, то мы в течение суток могли наносить удары на расстоянии десятков километров один от другого. Этой тактики я придерживался всю войну, и она всегда приносила успех. Но стоило нам ввязаться в позиционные бои, преимущество переходило на сторону врага. Мы несли потери и в конце концов вынуждены были отходить.

— А если позиционная борьба была навязана противником, что тогда?

— Тогда прорыв. Иного пути не было. Именно так сложились дела во время Бовкинской блокады — самого трагического периода в истории нашего отряда.

Сергей Владимирович рассказывал, показывал документы, карты, порой обращался к жене — они вместе воевали: «Вера, ты помнишь?». Вера Петровна согласно кивала или дополняла рассказ мужа, а я слушал и поражался, как могли они все это выдержать, откуда у тех совсем молодых парней и девчат было столько мужества, отваги, военной хитрости, изворотливости, мудрости. Ведь когда началась война, Сергею Владимировичу было всего двадцать три года. Он успел окончить педучилище, работал в родной деревне Фомино, что на Смоленщине, потом служил в армии, стал командиром танкового взвода. Войну он встретил под Белостоком. С раннего утра — ожесточенные бои с танками противника, потом отступление, танки теряли один за другим, вот уже и комвзвода идет пешком. Под Смоленском дважды пытались перейти линию фронта — и оба раза безуспешно. Что делать, как воевать летчику без самолета, а танкисту без танка? О том, что можно бороться в тылу врага, както не приходило в голову. И тут кто-то нашел «Правду» с призывом организовывать в тылу партизанскую борьбу, да такую беспощадную, чтобы земля горела под ногами захватчиков. Танкисты решили остаться в тылу. К ним присоединились другие воины, оказавшиеся в окружении, а потом и местное население. Когда думали, как назвать отряд, кто-то вспомнил фильм «Тринадцать» — была до войны такая прекрасная картина, в которой рассказывалось о тринадцати красноармейцах, ставших на пути басмаческой банды. Решили назвать отряд «Тринадцать». После нескольких реорганизаций, слияний с другими отрядами и окончательного выделения в самостоятельную единицу отряд стал называться — особый партизанский полк «13». Командиром был утвержден С. В. Гришин. Один из его боевых соратников гораздо позже напишет: «С самого начала, как только Гришина назначили командиром отряда, партизаны убедились, что он решителен и настойчив, что, если нужно, он сам ляжет за пулемет и первым поднимется в атаку. А личный героизм — это немаловажное качество для партизанского командира, да еще если он моложе многих своих подчиненных».

С лета сорок второго началась предельно активная и героическая история полка «13». Засады, разгромы комендатур, освобождение деревень и целых районных центров, и почти непрерывное движение. За 28 месяцев существования отряд прошел по тылам 2,5 тысячи километров. И как прошел! Не было дня, чтобы на хвосте не висели каратели, чтобы впереди не поджидали заслоны. Но партизаны сбивали заслоны, заманивали карателей в чащобы, там уничтожали, брали многочисленные трофеи, вырывались из кольца и снова громили тылы врага. Однажды зимой разбили гитлеровскую кавалерийскую группу, захватили несколько сот прекрасных лошадей и дальше ехали на них.

Начальник тылового района группы армий «Центр» поставил на карту все, он бросал против Гришина целые дивизии, причем с довольно ограниченной задачей — вытеснить полк «13» из своей зоны. Разгромить или уничтожить уже и не пытались, хотя бы вытеснить... А ведь использовалось все — артиллерия, танки, авиация. И бесполезно! Даже ограниченную задачу гитлеровцам выполнить не удалось: за полтора месяца отряд выдержал 25 крупных боев и уничтожил около 700 фашистов. Никакие репрессии не помогали, полк «13» пополнялся новыми силами. Позже это признал и подполковник Х. Крайдель, который писал: «Руководство бандой было с самого начала целеустремленным и четким... Благодаря ловкости и энергии командира долгое время попытки нейтрализовать силы Гришина оставались безуспешными... Благодаря частым успехам отряда пополнение в него поступало в большом количестве».

— А после одного из боев, когда мы вышли на связь с Большой землей, я узнал радостную весть,— вспоминает С. В. Гришин.— Седьмого марта 1943 года мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Позже стало известно, что мое имя в одном Указе с Константином Заслоновым. Но попасть в Москву и получить награду мне удалось только через год. В те дни, весной сорок третьего, многие партизаны стали орденоносцами. Конечно же, мы ликовали, радовались, строили планы на будущее... И никто не знал, что впереди нас ждало самое страшное испытание, выпавшее на нашу долю за всю войну, впереди была Бовкинская блокада... В мае сорок третьего мы обосновались восточнее Могилева. Когда началась «Рельсовая война», мы нанесли гитлеровцам такой урон, что они бросили против нас 15 тысяч головорезов. А в полку — чуть больше двух тысяч бойцов. Мы решили отправить обоз с ранеными за линию фронта, а самим переправиться на правый берег Днепра. Но 2 октября стало известно, что госпиталь пробиться к нашим не смог и застрял в Городецком урочище. Бросать раненых нельзя — это закон, и мы пошли к ним на выручку. Урочище небольшое, всего двенадцать километров на четыре, а в нашем обозе еще около двадцати тысяч стариков, женщин и детей... Короче

говоря, окружили нас со всех сторон и для начала стали из орудий бить по площадям. Потери мы несли немалые, но держались. Во всяком случае, все попытки карателей взять нас штурмом отбивали. Прошло семь дней — держимся, еще пять—держимся. Но кольцо все уже, лес простреливается насквозь. Боеприпасов в обрез, пищи вообще нет, воды — тоже. И семнадцатого октября мы решили идти на прорыв. В два часа ночи поднялся в атаку батальон Москвина. Впереди шли лучшие бойцы — 26 человек с ручными пулеметами. Они понимали, что многие погибнут, но сплошной стеной огня прикроют товарищей. Когда до окопов врага оставалось метров шестьдесят, взлетели немецкие ракеты. Кинжальный огонь открыли и наши пулеметчики и немецкие. Главное — добраться до окопов! И мы добрались. В рукопашной схватке смяли немцев и прорвали блокаду! Полк вышел из окружения, а потом, чтобы сбить немцев с толку, рассеялся побатальонно и небольшими группами ушел на правый берег Днепра. Там мы воевали до начала операции «Багратион». Когда соединились с регулярными частями, многие влились в полки и батальоны Советской Армии. Но перед этим нам предоставили право с почетом вернуться в Смоленск, где весь полк «13» участвовал в торжественном параде.

— А как сложилась ваша послевоенная жизнь? — спросил я.

— Счастливо. Я окончил Военную академию имени Фрунзе, потом академию Генштаба, служил в различных частях, защитил диссертацию, стал кандидатом военных наук и уже много лет преподаю в академии имени Фрунзе. Так что я вернулся к своей старой профессии учителя. Только учу не детей, а офицеров, учу одной из сложнейших и чрезвычайно нужных наук — науке побеждать.

ШАШКИ НАГОЛО!

— Никогда не думал, что почти всю войну мне чуть ли не каждый день придется давать такую команду,—улыбаясь, говорит Иван Васильевич Жохов.—Родился и вырос я под Калугой, там же окончил сельскую школу, потом педагогический техникум. Хотел учиться дальше, но не довелось. Срочную я служил в кавалерии, в знаменитой кавдивизии имени Сталина. Когда началась война, жил и работал в Ново-Петровском районе Московской области. Сразу попросился на фронт. Но мне предложили совсем другое. Как раз в те дни известный герой гражданской войны А. К. Флегонтов создавал отряд для диверсионной работы в тылу врага. Командиром назначили Н. А. Кудряшова, а я стал комиссаром. Отряд назывался «Сын». Когда пришли немцы, мы остались в своем Ново-Петровском районе. Нас было тридцать пять человек, и действовали мы всего девятнадцать дней, но ущерб фашистам нанесли немалый.

Когда немцев погнали из Подмосковья, я попросился в регулярные части, но мне снова отказали. Оказывается, А. К. Флегонтов формировал новый отряд — кавалерийский, который должен был сражаться в глубоком тылу врага. Он узнал, что я бывший кавалерист, и предложил принять взвод. Я охотно согласился. И вот в августе сорок второго через «Суражские ворота»—сорокакилометровую брешь, пробитую в боевых порядках гитлеровцев, мы прошли в тыл врага. Первая диверсия была довольно необычной. Недалеко от железнодорожной линии Полоцк — Витебск мы встретились с одной из партизанских бригад и очень удивились, что вражеские эшелоны беспрепятственно идут днем и ночью. Командир объяснил это тем, что нет взрывчатки. Тогда Флегонтов предложил выйти на линию обоим отрядам, мобилизовать местное население и просто-напросто разбросать и растащить по болотам железнодорожное полотно. Всю ночь трудились у насыпи несколько сот человек. Мы напрочь искромсали десятикилометровый участок дороги и на шесть дней остановили движение эшелонов. Так что воевать можно и без оружия!

А в сентябре мы также «взбодрили» еще одну бригаду, которая никак не могла взять под контроль шоссе Лепель—Витебск. Комбриг сетовал на то, что немцев очень много и из-за этого к шоссе не подступиться. В вышедшей недавно книге «Рейдовая в походе» наш командир Ф. Ф. Тараненко, который заменил А. К. Флегонтова после его трагической гибели, так описывает дальнейшие события:

«Но Иван Жохов, командир 2-го взвода нашего отряда, с согласия Флегонтова решил «подступиться». 12 сентября он вместе с тридцатью семью бойцами залег на шоссе в засаду.

Стало известно, что по шоссе в сторону засады движется гитлеровская автоколонна, численно превосходящая партизан в несколько раз. Не отказываться же от задуманного, не уходить в самый решающий момент! И взвод, подождав, пока машины фашистов втянутся на заминированный участок дороги, одновременно со взрывом мин ударил по захватчикам буквально в упор из автоматов и пулеметов, забросал их гранатами, обратив уцелевших в паническое бегство. Бойцы Жохова разгромили штаб 201-й вражеской дивизии, подобрали богатые трофеи, захватили важные документы, уничтожили двенадцать автомашин с восемьюдесятью солдатами и офицерами противника. Операция была проведена дерзко и смело, без особых потерь».

Несколько позже меня назначили комиссаром партизанской бригады «За Родину» имени А. К. Флегонтова. Конечная цель рейда нашей бригады — Брестская пуща, но путь туда был закрыт: мы никак не могли перейти железную дорогу Минск — Бобруйск: куда ни сунься, нас ждут. И все же мы перехитрили немцев: небольшими группами имитировали переход в одном месте, а основные силы пошли совсем в другом. Но и здесь без помощи местного населения у нас ничего бы не вышло.

Преимущество нашей бригады перед другими было в большой подвижности. На лошадях мы могли за сутки уйти чуть ли не на сто километров от места диверсии, причем пробирались там, куда никакой технике и сунуться нельзя. Я уж не говорю о том, как боялись немцы наших кавалерийских атак. Идет, скажем, большая колонна гитлеровцев, мы подрываем ее спереди и сзади, а потом команда «Шашки наголо!», и врываемся в самую гущу фашистов. В такой ситуации нет лучшего оружия, чем клинок, и более надежного товарища, чем боевой конь.

Мы прошли по тылам фашистов тысячу триста километров, пустили под откос 92 эшелона, подорвали 155 автомашин, 5 танков и броневиков, 64 моста, уничтожили более трех тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

САМЫЙ ПАМЯТНЫЙ ОБЕД

— Надо же, как бывает, воевали, можно сказать, по соседству, а познакомились через сорок лет! — восклицает Любовь Алексеевна Марченко.— Я ведь была совсем рядом, в Яновских лесах. Правда, это на территории Польши, но тогда пограничных столбов не было, и врага били везде, где находили.

— Как я понимаю, вы говорите о событиях сорок четвертого—сорок пятого годов. А что было до этого: учились в школе, работали на заводе? — спросил я.

— Воевала! До сорок первого училась, а потом, сразу после десятого класса, попала в 183-й запасной стрелковый полк. Причем минометчицей. Вы представляете, что такое 82-миллиметровый миномет? Сколько весит труба? А сколько станина?! А сами мины?! Во мне килограммов сорок пять, а в моем оружии больше центнера. И все это надо таскать с позиции на позицию, да еще под огнем. Но я была девчонка бедовая, спуску не давала ни себе, ни другим и вскоре стала командиром отделения, взвода, а потом и старшиной роты.

— Ого! И командовали парнями?

— Еще как командовала! Правда, брала не столько голосом, сколько... личным примером. Если я не кланяюсь пулям, если наравне со всеми тащу миномет, ребятам становится просто-напросто стыдно, и парни изо всех сил стараются показать друг другу, что по сравнению с девчонкой они чудо-богатыри.

— Были такие бедовые девчонки и у нас,— усмехается Иван Васильевич.— Заметит, что партизаны из пополнения далеко не кавалеристы, прыг на коня — без седла, прямо охлюпкой, — и давай чесать по бурелому. Куда деваться, ребята тоже бочком-бочком, но взбирались на круп и как могли, но тряслись следом.

— Да уж,— смеется и Любовь Алексеевна.— Женская психология на том и построена, чтобы создать у мужчины видимость, что она слабее, и если делает мужскую работу, то только потому, что не заметила, сколько вокруг рыцарей.

— А как же вы расстались с минометчиками?

— Сама не знаю. Пригласили в политотдел и предложили поступить в разведшколу. Я немного поколебалась и согласилась. А в мае сорок четвертого нас выбросили на парашютах в Яновские леса. Задача: разведка обороны противника по реке Сан и само собой диверсии. Наши наступали, ширина фронта становилась все уже, значит, плотность войск увеличивалась, так что немцев на нашем участке было черт-те сколько. Да и леса там не такие густые, как в Белоруссии. Но мы свое дело делали! Чтобы ввести карателей в заблуждение, иногда объединялись с другими отрядами, отбивались с помощью польских партизан, потом рассыпались по пять-шесть человек и растворялись в болотах. В конце концов меня перевели в отряд А. Фелюка, и мы ушли за Вислу.

В отряде Любовь Алексеевну звали Тоней. Отчаянные, лихие разведчики старались хоть как-то облегчить ее нелегкую жизнь: брали у нее лишний ящик взрывчатки, на ночевках давали возможность обсушиться в крохотном, но индивидуальном шалашике. Тоня ценила это и, насколько это было возможно, старалась выглядеть по-женски. Однажды группа остановилась на дневку в глухом польском хуторе. Тоня решила вымыть голову. Только ей согрели воду, только намылила волосы, бежит хозяин и кричит: «Немцы!» Схватили оружие — и огородами на торфяное болото. Залегли в редком кустарнике на берегу речки Ниды. Фелюк привстал — действительно, какие-то люди, но одеты странно. А вдруг не немцы? Вдруг польские партизаны? Фелюк поднялся во весь рост и закричал:

— Кто вы? Если партизаны, не стреляйте.

В ответ — автоматная очередь. Фелюк упал, схватившись за грудь. Ответный огонь открыл Авсечук, но и его задело в ногу. Тоня сорвала с него разбухший от крови сапог, перевязала рану, и партизан перескочил речку. Тоня перетащила командира, но на другом берегу ее руку прошила автоматная очередь. Ранило второй раз и командира. Рядом лежал Павел Ленчук, из горла хлестала кровь, но он вел огонь. Тоня бросилась к нему, но Павел прохрипел: «Спасай командира. Я прикрою». «Хорошо,— согласилась Тоня.— Дотащу его до леса и вернусь за тобой. Ты, Пашенька, потерпи, я обязательно вернусь».

Но вернуться не удалось. У самого леса наткнулась на карателей, да еще с собаками. К счастью, Тоня заметила яму из-под вывернутого корневища сосны. И хотя яма до краев наполнена водой, Тоня сползла туда и втащила командира. Вскоре умолк автомат Ленчука. А немцы носились по болоту и искали уцелевших партизан. Иногда они пробегали так близко, что брызги от сапог летели в лицо Тоне. Но из-за грязи, воды и торфяной жижи собаки не чуяли людей. Когда стемнело, каратели ушли.

Командир истекал кровью. Да и Тоня была чуть жива. Перевязала себе руку, перетянула ногу командира. Со второй раной было хуже — пуля вошла в руку и застряла, судя по булькающему дыханию, в легком. И все же Тоня поволокла Фелюка в глубь леса. Забывалась, теряла сознание, снова приходила в себя и тянула, тянула и тянула тяжеленную плащ-палатку.

И вдруг Тоня услышала музыку! Веселую, рассыпчатую. «Кажется, «Краковяк»,— подумала Тоня.— Но

это бред. Кто в ночном лесу станет играть «Краковяк»? Но оркестрик не смолкал. И тогда Тоня пошла на музыку... Хутор. На большой поляне польский хутор. Терять нечего, решила Тоня, передернула затвор автомата и подкралась к дому. В это время на крыльцо вышел хозяин. Тоня сказала, что у нее раненый, что она сама нуждается в помощи, что... Хозяин позвал жену, сына, все вместе сходили в лес и принесли Фелюка. Оказалось, польский крестьянин женил сына. Свадьба продолжалась, а в соседнем помещении раненых перевязали, накормили, а потом положили в телегу и повезли на мельницу — мельник был участником Сопротивления. У себя он оставить партизан не мог — слишком часто на мельницу заходили немцы, но врача нашел, и тот занялся ранеными всерьез. Через несколько дней поляки вырыли в лесу яму, обложили соломой, замаскировали сверху и перенесли партизан туда. Рисковали они страшно: за укрывательство партизан фашисты расстреливали на месте.

Тоня довольно быстро пошла на поправку, а вот командиру было худо. Однажды на яму наткнулись женщины, собирающие грибы. Они в испуге закричали и побежали в деревню. Не исключено, что крики слышали немцы, поэтому Тоню и Фелюка перевезли на дальний хутор к Марии Бонк, муж которой воевал в Войске Польском. Партизан спрятали в сарае среди снопов ржи. Врач приходил и сюда. Заглядывал и староста — все старались помочь русским. Но однажды их чуть не погубил нелепый случай. Хозяйка зарезала курицу и решила как следует накормить гостей. Только уселись за стол — немцы. Да еще эсэсовцы. Тоня с Фелюком — в сарай и забились в рожь. Немцы деловито съели их обед, но, что-то заподозрив, пошли в сарай и начали штыками проверять каждый сноп. И вот ведь судьба — ни один штык не задел партизан.

— А вскоре пришли ребята из нашего отряда. Вот эти. Посмотрите на них,— протягивает фотографию Любовь Алексеевна.— Хозяйка на радостях оторвала голову другой курице. Только сели за стол, опять немцы—четверо в черных мундирах. Мы кинулись в сарай, а Вукс, был у нас такой неразговорчивый эстонец, процедил: «Ну уж нет. Такой обед я им не отдам». Поднялся на чердак, выбил слуховое окно и из ручного пулемета всех уничтожил. Разогрели обед, и за стол. Не поверите, не успели съесть и ложки супа, опять немцы — человек пятнадцать. Пришлось принимать нелегкий бой. Наши ребята сражались отчаянно: половину перебили, а остальные фашисты скрылись в лесу, бросая оружие и раненых. Так мы свой обед отстояли и в конце концов добрались до стола.

Когда отряд во главе с командиром соединился с наступающими частями Советской Армии, для Тони война закончилась. Но кавалер орденов Отечественной войны I степени, Красной Звезды и польского ордена Крест храбрых Л. А. Марченко вернулась к артиллеристам. В составе 292-го артполка она форсировала Одер, снова была ранена, сама вынесла из-под обстрела десятки истекающих кровью бойцов и дошла до Берлина. Она участвовала в уличных боях и вместе с боевыми товарищами 9 мая салютовала Победе.

А было этому израненному, прошедшему огни и воды, впервые за четыре года надевшему юбку бойцу неполных двадцать лет...

ПОСЛАНЦЫ СИБИРИ В ГОСТЯХ У МОСКВИЧЕЙ

Три месяца на ВДНХ СССР в павильоне «Советская культура» демонстрировалась экспозиция, посвященная патриотическому движению «Превратим Сибирь в край высокой культуры!». Четыре года назад красноярцы на страницах газеты «Советская культура» выступили с этим почином, ставшим ныне общесибирским. Сегодня можно говорить о некотором опыте, достижениях экономического и социально-культурного плана. Материалы выставки убедительно показывают важность и полезность движения.

В период работы выставки здесь проводились семинарские занятия для сотрудников клубов, библиотек, культурно-спортивных комплексов. Им рассказывали, какими средствами и методами достигают сибиряки целей, определенных ими же во встречных обязательствах и перспективных комплексных программах культурного строительства. Материалы экспозиции переданы во Всесоюзный институт повышения квалификации работников культуры Министерства культуры СССР.

В рамках движения «Превратим Сибирь в край высокой культуры!» проходят творческие вечера-встречи посланцев сибирской земли. Недавно гостями столицы стали представители Иркутской области. В Большом зале Центрального дома работников искусств собрались люди, для которых Сибирь стала частицей их души, сердца. В президиуме — прославленный военачальник генерал армии, дважды Герой Советского Союза А. Белобородов, летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Б. Волынов, писатель, дважды Герой Социалистического Труда Г. Марков, строитель БАМа, Герой Социалистического Труда Л. Казаков, директор Лимнологического института СО АН СССР, член-корреспондент АН СССР Г. Галазий, писатель, лауреат Государственной премии СССР В. Распутин...

Обращаясь к собравшимся, секретарь Иркутского обкома КПСС С. Цуриков говорил о значении этой встречи для сибиряков, о выполнении ими задач экономического и социально-культурного строительства. Представители прославленного Театра имени Вахтангова народные артисты СССР Ю. Борисова, М. Ульянов вспоминали о гастролях в Иркутске, где была показана «Иркутская история». Тепло встретили сибиряки произведения композитора народной артистки СССР А. Пахмутовой и поэта Н. Добронравова в исполнении народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии СССР И. Кобзона. Народный артист СССР В. Плучек напомнил о днях военной поры, когда Театр сатиры находился в Иркутске.

Вечер вели народный артист СССР Е. Симонов и первый заместитель главного редактора «Советской культуры» Д. Мамлеев.

— Мы принимали красноярцев, кемеровчан, томичей, а вот сегодня — посланцев Иркутской области,— говорит народная артистка СССР, лауреат Государственных премий СССР Ольга Лепешинская.— И каждый вечер — праздник открытия человека. Как много мы узнали нового, интересного. Какие яркие судьбы, характеры, какие прекрасные дела совершают наши современники. И сколько великолепных, удивительных талантов открывается перед нами!

В программе творческого отчета иркутян состоялся и показ местных художников. Открыл выставку их работ Герой Социалистического Труда, народный художник СССР Л. Кербель.

М. КОРОТКОВ
Фото Н. Самойлова и А. Сизухина

На снимке: участники творческой встречи в ЦДРИ.

СТАРТ С СЮРПРИЗАМИ

Сильнейшие хоккеисты собрались в Праге на 50-й юбилейный чемпионат мира. Семь мировых первенств проходили в Чехословакии, вначале на деревянном открытом катке «Штваница», а потом на ледовой арене, принимающей на своих трибунах почти 15 тысяч зрителей, в парке имени Юлиуса Фучика. Нынешний, главный турнир хоккейного сезона имеет свою изюминку. Канадцы на тридцати девяти предыдущих чемпионатах, где они участвовали, 19 раз завоевывали золотые медали. Советские хоккеисты, ранее игравшие на мировых первенствах 28 раз, тоже в 19 случаях становились первыми. Между прочим, и число серебряных наград у этих лидеров мирового хоккея одинаковое — по 6. Так что в Праге в случае успеха советских хоккеистов они впервые в истории обойдут родоначальников игры. Но до финала еще далеко. Когда читатели журнала получат этот номер, они не будут еще знать результатов последних туров чемпионата, а решится, видимо, все после финальной встречи Чехословакия — СССР.

Сборная СССР в первых матчах выглядела солидно. Она начала турнир, победив американцев со счетом 11 : 1. У нас отличился С. Макаров, забросивший четыре великолепные шайбы. С. Полов, долгие годы главный менеджер «Монреаль канадиас», а ныне ответственный за международные связи в организации «Хоккей-Канада», не раз всплескивал руками, наблюдая за дриблингом Макарова, а потом сказал: «Вот это звезда! Вообще-то в вашей сборной еще немало звезд, но сегодня был день Макарова».

— Обычно в стартовых встречах ваши слишком волновались, долго не могли забить гол даже заведомому аутсайдеру,— отметил в разговоре с автором этих строк известный в недавнем прошлом вратарь сборной ЧССР И. Николаш,— а сейчас сразу же стали хозяевами положения.

Победа во втором матче над сборной Финляндии была скромнее — 5:1. Четыре гола были забиты при игре в большинстве, главным образом с участием защитников-бомбардиров — Фетисова и Касатонова. Затем у чемпионов были встречи с аутсайдерами — командами ГДР и ФРГ. Обе не доставили особых хлопот, о чем свидетельствуют и результаты — 6 : 0 и 10 : 2.

Восемь очков из восьми получили на старте советские хоккеисты. Однако в заголовке репортажа не случайно упоминается о сюрпризах. Финалисты кубка Канады — шведы огорчили своих поклонников, проиграв сборной США 3 : 4, а затем и постоянным принципиальным оппонентам — финнам 0 : 5. Но после победы над хоккеистами ГДР — 11 : 0 они, по словам их тренера, «психологически взбодрились». Надолго ли?

Канадцы начали хорошо, одержав две победы над командами ГДР — 9 : 1 и ФРГ — 5 : 0. Однако затем «кленовые листья» провалились в матче с США — 3 : 4. Лишь выигрыш у финнов 5 : 2 вернул им хорошее настроение и шансы попасть в квартет лидеров.

После поражения от сборной СССР молодая американская команда одержала три победы подряд и сотворила самую, пожалуй, громкую сенсацию, одолев хозяев чемпионата 3 : 1.

В. ДВОРЦОВ,
спец. корр. ТАСС — специально для «Огонька»

Прага, по телефону

С. ЛОСЕВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

МАРИНОВАННЫЕ ОГУРЦЫ В РЕШЕТЕ

Пользующаяся национальной известностью газета «Ньюсдей» (г. Гарден-Сити, штат Нью-Йорк) поместила в номере за 3 марта 1970 года статью под заголовком «Противоракетная оборона — предел безумия». В ней, в частности, говорилось:

«Президент Эйзенхауэр и президент Кеннеди оказали сопротивление нажиму в пользу создания сначала системы «Ника-Зевс»[1], а затем «Ника-Х»[2]. Президент Джонсон, прислушиваясь к своим научным советникам, продержался до сентября 1967 года, когда министр обороны Макнамара с неохотой объявил о решении правительства приступить к развертыванию какой-то системы ПРО.

Так вот и родилась «Сентинел» — система ПРО, которая должна была состоять из 17 стартовых позиций ракет, предназначенных для защиты крупнейших американских городов. К сожалению, «отцы» наших городов, чьих жителей спасали таким образом, не только не выразили благодарности, но отнеслись, несомненно, враждебно к идее размещения ракетных комплексов у себя под боком. Это и побудило президента Ричарда Никсона приостановить работу над программой «Сентинел» в ожидании результатов ее пересмотра.

Чуть более года назад система ПРО «Сентинел» снова всплыла на поверхность — с новым названием и с полностью новой мотивировкой ее необходимости. Теперь это была «разреженная» система, названная «Сейфгард». Она должна была развертываться не поблизости от городов, а близ стартовых позиций ракет для защиты не гражданского населения, а потенциала ответного удара американских межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен».

Две недели назад президент огласил план создания новой, расширенной, двухцелевой системы «Сейфгард» 1970 года — универсальной штучки, которая не только обеспечит защиту и гражданского населения и ракетных стартовых позиций, но также будет сдерживать и советскую, и китайскую угрозу.

Правительство планирует израсходовать 920 миллионов долларов — лишь для начала — на расширение системы «Сейфгард». Это ракетное помешательство сопряжено с ошеломляющими расходами. В истории создания противоракетной обороны ничто не заставляет предполагать, что расходы на этом остановятся. По авторитетным оценкам, «плотная система», в направлении которой неуклонно развивается «Сейфгард», обойдется не менее чем в 30—40 миллиардов долларов.

Но еще важнее, чем вопрос о том, сколько расходуется на противоракетную оборону,— это вопрос, зачем вообще расходуются эти средства.

Для того, чтобы быть убедительной, исключительно сложная система противоракетной обороны, требующая точной цепной реакции обнаружения и уничтожения вражеских ракет, должна действовать со 100-процентной надежностью, не допуская никаких ошибок. Бессмысленно говорить об уничтожении, скажем, пяти из восьми вражеских межконтинентальных баллистических ракет, ибо термоядерные боеголовки остальных трех ракет причинят разрушения и вызовут потери катастрофических масштабов.

Расширение системы «Сейфгард» заставит китайцев расширить их программу развития ядерных вооружений; русские удвоят свои усилия, направленные на развитие наступательных систем в попытке нейтрализовать нашу систему обороны. Министерство обороны США тогда запросит ассигнования на дополнительное оружие, чтобы уравновесить советские вооружения, и этот процесс будет продолжаться до полного абсурда. Такова динамика, лежащая в основе гонки ядерных вооружений. В основе игры лежит абсурд».

Острый стиль, явный скептицизм и осуждение планов правительства в отношении ПРО отражали напряженную атмосферу, сопутствовавшую полемике. Когда в марте 1969 года Никсон объявил свое решение о создании системы «Сейфгард», он сформулировал ее цель как «защиту базирующихся на земле сил межконтинентальных (баллистических ракет.— **Прим. авт.**) для ответного удара от советского нападения, для обороны от возможного китайского нападения, а также для защиты от случайной атаки». Но на мировую и на значительную часть американской общественности не произвели впечатления заверения относительно оборонительного характера ПРО.

Герберт Йорк — видный американский физик, участвовавший в создании атомной и водородной бомб, в течение ряда лет возглавлявший научно-исследовательские работы министерства обороны, в книге «Бег к небытию. Гонка вооружений — глазами участника», вышедшей в разгар дебатов вокруг ПРО, писал:

— В определенных условиях — к счастью, почти невероятных — наличие системы ПРО может создать обманчивую уверенность, что можно решиться развязать ядерную войну. И это не сон, который можно увидеть, наевшись на ночь маринованных огурцов и яблочного пирога: я сам слышал от нескольких высших американских генералов и чиновников замечания насчет того, что оборонительные системы «укрепят решимость американского народа». Иными словами, многим людям эта система нужна для того, чтобы перспектива ядерной войны перестала быть столь немыслимой».

Смысл этого и других сходных заявлений был прост: создание в США системы противоракетной обороны могло бы на деле увеличить опасность возникновения ракетно-ядерного конфликта. При наличии такой системы, несмотря на ее техническое несовершенство, в США могли бы найтись люди, которые в случае кризисной ситуации решились бы предпринять ракетно-ядерное нападение на противника в надежде (при всей ее иллюзорности) защититься затем с помощью этой системы от неизбежного ответного удара.

Каков был принцип задуманной системы «Сейфгард»? Основные ее элементы — радиолокаторы дальнего обнаружения баллистических целей, станция наведения противоракет, противоракеты большой дальности «Спартан» и малой дальности «Спринт», вычислительные средства для обработки данных о целях и наводимых на них противоракетах, а также подсистема управления, контроля и связи. Противоракеты «Спартан» при благоприятных условиях должны были поражать боеголовки МБР (межконтинентальных баллистических ракет) на дальности до 640 километров. Поражение целей в околоземном космическом пространстве возлагалось на ядерные заряды противоракет мегатонной мощности, на что известный ученый-атомщик Ральф Лэпп заметил, что массовый подрыв ядерных зарядов над густонаселенными районами Америки может повлечь радиоактивное заражение больших зон. Тем более что противоракеты «Спринт» (дальность действия до 40 км), предназначавшиеся для поражения боеголовок МБР в атмосфере, также оснащались ядерными зарядами.

Один из противников «Сейфгарда», американский эксперт по вопросам ПРО, лауреат Нобелевской премии Ганс Бете, подчеркивал, что любая система противоракетной обороны устареет всего через несколько лет. А сенатор-демократ Фрэнк Черч язвительно заметил, что военные хотели бы истратить сотни миллиардов долларов на ПРО, чтобы появилось «самое крупное решето в истории».

Никсон сузил круг лиц в правительстве, занимавшихся выработкой для него вариантов решения в вопросах ПРО.

Разумеется, в Белом доме за подготовительную работу отвечал Г. Киссинджер. По словам Д. Ландау, он не щадил никого своими вопросами, постепенно начал проводить более жесткую линию, добиваясь своих целей. Он «успешно низвел доктринерский подход Пентагона, настаивавший на принципе "Все или ничего" в предстоящих переговорах». Киссинджер, писал Д. Ландау, уравновесил Пентагон, прибавив веса Агентству по контролю над вооружениями и разоружением.

Иная картина встает, когда читаешь С. Херша. По ПРО и другим стратегическим вопросам Киссинджер, утверждает Херш, солидаризировался с Пентагоном и даже заставлял ЦРУ подгонять объективные данные, если последние мешали планам развертывания системы «Сейфгард» и системы МИРВ[1]. По Хершу, Киссинджер принижал роль Агентства по контролю над вооружениями и разоружением и в особенности роль его директора Дж. Смита, стремившегося занять более конструктивную позицию на советско-американских переговорах.

АДВОКАТЫ ПРО

В первом эшелоне адвокатов «Сейфгарда» шли могущественные ракетные, электронные, аэрокосмические и другие военные монополии (среди них — «Дженерал дайнемикс», «Локхид эйркрафт», «Хьюз», «Дженерал электрик», «Боинг», «Уэстерн электрик») — сейчас они ратуют за рейгановскую программу «звездных войн». Именно они оказали сильнейшее давление на администрацию, когда Никсон приостановил развертывание программы «Сентинел» и поручил своим специалистам и советникам изучить эту проблему.

Министр обороны М. Лэйрд назначил главным представителем министерства обороны во все комитеты и группы по ПРО, созданные

[1] «Ника-Зевс» — первый образец американской ПРО. В начале 60-х годов она была испытана и предложена к принятию на вооружение. Для поражения боеголовок баллистических ракет использовались противоракеты (или антиракеты) «Ника-Зевс» с дальностью стрельбы до 350 километров и высотой поражения до 150 километров.

[2] «Ника-Х» — более совершенная система ПРО, к созданию которой приступили в конце 1963 года.

Продолжение. Начало см. № 17.

[1] МИРВ — разделяющиеся боеголовки индивидуального наведения.

Киссинджером, своего первого заместителя Дэвида Паккарда. Вдвоем Киссинджер и Паккард «сооружали» различные варианты решения проблемы ПРО.

Инженер-электронщик по образованию, Паккард вместе с другим инженером, Уильямом Хьюлеттом, основал в 1939 году в Поло-Альто (штат Калифорния) фирму по выпуску электронно-измерительной аппаратуры. Через 30 лет, к моменту прихода Паккарда в Пентагон, фирма «Хьюлетт-Паккард» располагала 17 заводами с общим объемом сбыта в 280 миллионов долларов в год, из которых одну треть составляла выручка от военных заказов.

Паккард работал над планами ПРО вместе с доктором Джоном Фостером — директором Управления по научным исследованиям и техническим разработкам. В иерархии министерства физик Фостер был обладателем третьего по значению поста после министра и первого заместителя министра. Паккард и Фостер ежедневно проводили многие часы над выработкой аргументов в пользу «Сейфгарда».

Доктор физики Фостер был учеником покойного «апостола» водородной бомбы Эрнеста Лоуренса, который в 1952 году совместно с Эдвардом Теллером создал в Ливерморе (штат Калифорния) сверхсекретную лабораторию по исследованию в области военного применения ядерной энергии (ныне в Ливерморской лаборатории идут работы в рамках программы «звездных войн»). В то время к ним и примкнул Фостер, а с 1961 по 1965 год, то есть до назначения на высокий пост в министерстве обороны, он был директором Ливерморской лаборатории. Фостер принадлежал к тем ядерным специалистам, писал журнал «Форчун», которые в отличие от ряда создателей атомной бомбы, испытывавших угрызения совести за Хиросиму и Нагасаки, не терзались сомнениями по поводу гонки вооружений. Фостер отстаивал курс на стратегическое ядерное превосходство США.

В 1963 году он выступал против Договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Наконец, с 1967 года он слыл в правительстве главным «научным адвокатом» системы ПРО. Его активно поддерживали Эдвард Теллер, ученые-теоретики Уильям Макмиллан, Ричард Латтер, Дональд Бреннан, Фредерик Сейц, Альберт Уолстеттер, Фримен Дайсон. К ним примыкали Дин Ачесон — в прошлом государственный секретарь, Пол Нитце — бывший министр ВМС и первый заместитель министра обороны, Чарльз Херцфельд — бывший директор Управления перспективного планирования научно-исследовательских работ министерства обороны (АРПА), Дэниел Финк — бывший помощник начальника Управления по научным исследованиям и техническим разработкам.

Им противостояли ученые — бывшие члены президентского консультативного комитета по науке Г. Бете и В. Панофски, бывшие специальные помощники президентов по науке и технике Дж. Киллиан и Дж. Кистяковский, Дж. Визнер и А. Хорниг, бывший директор АРПА Дж. Руина, бывшие научные руководители АРПА Дж. Ратженс и Г. Йорк, а также видные политические деятели, юристы, социологи.

Эти противники развертывания ПРО отмечали особо зловещую роль своих коллег-ученых, склонявших малосведущих в делах науки и техники людей на сторону проекта, эффективность которого была более чем сомнительна. Но то, что для действительно сведущих людей выглядело как абсурд, означало для многих других перспективу удовлетворения их материальных и идейных — главным образом антикоммунистических — побуждений. Они рвались продолжать свои научные изыскания и технические эксперименты, добиваться создания новых поколений оружия. И здесь их интересы смыкались с целями военно-промышленного комплекса.

Самой яркой иллюстрацией их работы рука об руку была деятельность на поприще ПРО Дэвида Паккарда и Джона Фостера. Им много помогал министр армии Стэнли Резор.

Армия дорожила тем, что именно на нее была возложена задача освоения ПРО. У министерства ВВС были свои ракетно-ядерные системы, у министерства ВМС также их хватало. Для армии же ПРО была единственной ракетно-ядерной системой.

Стэнли Резор, хотя и слыл республиканцем умеренного толка, отстаивая ПРО, усиленно обхаживал своих бывших боссов — министров обороны Р. Макнамару и К. Клиффорда, а теперь его доводы охотно выслушивал М. Лэйрд.

В печать просочилось содержание двух меморандумов на имя министра обороны от С. Резора и генерал-лейтенанта Альфреда Старберда — начальника проекта «Сентинел», а затем «Сейфгард». Они были посвящены завоеванию общественного мнения на сторону ПРО. Резор ратовал за организацию поездок корреспондентов газет, радио и телевидения на испытания ракет «Спартан» и «Спринт» на ракетных полигонах. Пропагандистский аппарат министерства армии готовил телевизионные фильмы, восхваляющие ПРО, снабжал газеты и журналы всевозможной информацией, политическими, военными, экономическими, научными комментариями в пользу развертывания в тех или иных штатах и городах Америки противоракет. Резор устраивал секретные брифинги для законодателей, в особенности тех, которые представляли в конгрессе районы размещения противоракет. Он обращал первостепенное внимание на необходимость «вербовки ученых в поддержку ПРО». Министра беспокоили некоторые ученые, выступавшие устно и письменно против антиракетной системы.

Генерал-лейтенант Старберд разработал свой план пропаганды в развитие и дополнение меморандума Резора. В нем делался упор на координацию мероприятий пропагандистской машины Пентагона и военных корпораций, получавших заказы на различные компоненты противоракетной обороны.

Газета «Вашингтон пост», первая докопавшаяся до двух секретных меморандумов, дала им точную характеристику: «ПРО: большое промывание мозгов».

Сенатор Дж. У. Фулбрайт выпустил в 1970 году книгу «Пропагандистская машина Пентагона». Первая глава в ней называлась «Меморандум Старберда». Председатель сенатской комиссии по иностранным делам решительно осудил кампанию высокого давления, скоординированную Резором и Старбердом. По его словам, они действовали словно торговцы, пытаясь всучить ПРО американской общественности.

— Военные,— говорил Фулбрайт,— особенно ловки в обращении с видными гражданами. Они устраивают захватывающие дух демонстрации запусков ракет, присовокупляя к ним разъяснения конфиденциального характера. Неудивительно, что им удается сломить сомнения любого слушающего.

Варившийся все те годы «в соку» идей и планов ПРО Г. Йорк изложил в начале 70-х годов мысли, которые звучали тогда весьма пророчески, а сегодня просто актуально, особенно если учитывать рейгановскую программу «звездных войн».

Если внимательно изучить дискуссии о ПРО и в особенности показания ее сторонников, которые по совместительству консультировали военные ведомства, писал Г. Йорк, то окажется, что за редкими исключениями они поддерживают систему «Сейфгард» не ради нее самой и не ради целей, которые поставил перед ней президент, а как прообраз чего-то более крупного, более сложного и несравненно более дорогого. Они хотят создать великую систему, которая, как им кажется, защитит не только средства устрашения (стратегические ракеты), но и все Соединенные Штаты в целом. Короче говоря, они хотят сделать дело, которое почти наверняка нельзя сделать, окажись оно даже каким-то чудом, «последним ходом» в гонке вооружений. И почти наверняка оно вызовет такие ответные действия Советского Союза, которые с лихвой перекроют даже теоретические возможности такой системы.

Герберт Йорк был во многом прав, когда писал, что «Сейфгард» служил в глазах его создателей лишь трамплином для прыжка к «великой системе». Притом не только военно-техническим, но и политико-психологическим трамплином. Программа «Сейфгард» отпала после подписания в 1972 году в Москве Никсоном бессрочного Договора между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны. Однако Вашингтон давно уже взял линию на подрыв этого важнейшего документа.

Об этом намерении американской стороны свидетельствует провозглашение ныне широкомасштабной системы ПРО, что запрещено Договором 1972 года.

Эдвард Теллер и другие американские ученые «подсказали» в начале 80-х годов Белому дому концепцию крупномасштабной стратегической обороны против «вражеских ракет» с элементами космического базирования. В речи 23 марта 1983 года президент США призвал американских ученых найти средства, благодаря которым ядерное оружие станет «бессильным и устаревшим». Программа получила название «звездные войны». Ее пропагандирование оставляет далеко позади «большое промывание мозгов», которое вели Резор и Старберд. Критики президентской «инициативы в области стратегической обороны» указывают на ее неосуществимость, на необходимость принятия советских предложений о запрещении милитаризации космоса, об ограничении и полном уничтожении ядерного оружия.

На примере «Сейфгарда» и давления в пользу создания систем для «звездных войн» видно, сколь могущественны и влиятельны силы, толкающие человечество к новым виткам гонки вооружений. Они явно хотят погреть руки на том, что каждый новый виток в оборонительном оружии не может не привести к еще более мощным виткам в развитии наступательного оружия. Никсон вынужден был, однако, учитывать реакцию Советского Союза на планы развертывания «Сейфгарда».

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Роберт Семпл поделился с читателями (19 марта 1969 г.) следующими сведениями относительно происходившего за кулисами процесса:

— В недели, предшествовавшие принятию решения, Никсон глубоко интересовался дипломатическими последствиями развертывания ограниченной системы ПРО, воздействием такого решения на русских, его влиянием на отношения между Востоком и Западом и на гонку вооружений, и он изучал все существующие возможности прежде всего под этим углом зрения. Военные соображения, особенно его представление о советском потенциале, требовали от него принятия решения в пользу развертывания системы, но характер его решения определили в первую очередь дипломатические соображения — желание не «провоцировать» дальнейшей гонки вооружений и не уничтожать все шансы на советско-американское сотрудничество.

Так-то, может быть, и так, но если президент хотел быстрых дипломатических результатов, он мог по крайней мере внять рекомендациям еще на один год ограничить все дело научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами, то есть принять, по словам одного из участников обсуждений в Белом доме, «политически самую привлекательную возможность». Но Никсон принял вариант постепенной системы развертывания с началом работы над двумя из 14 противоракетных комплексов и ежегодным пересмотром планов в отношении остальных.

Весна и лето 1969 года были отмечены жаркими дебатами в конгрессе вокруг «Сейфгарда». Первоначальный аргумент правительства заключался в том, что оно запрашивало ассигнования (около 1,5 млрд. долл.) на продолжение работ по ПРО, начатых администрацией Л. Джонсона в рамках системы «Сентинел». Знаменосцем республиканской администрации в Капитолии, как и следовало ожидать, стал сенатор-демократ Генри Джексон, считавшийся «либералом» во внутренних проблемах и «ястребом» в военных и внешнеполитических. Блоку «ястребов» противостояла коалиция сенаторов, требовавшая отказаться от «Сейфгарда» или по крайней мере задержать ее строительство до завершения советско-американских переговоров по ОСВ. Возглавлял коалицию заместитель лидера демократов в сенате Эдвард Кеннеди.

Голоса в сенате разделились поровну: 50 «за» и 50 «против». Согласно процедуре сената, в таких ситуациях судьба законопроекта передается в руки председательствующего, каковым по конституции является вице-президент США. Восемь лет им был Никсон, проводя установки Эйзенхауэра. Теперь вице-президент Спиро Агню склонил своим голосом чашу весов в пользу «Сейфгарда».

И все же результаты голосования были явно обескураживающими для Белого дома. Все висело на волоске. Конгресс урезал ассигнования на ПРО. В следующем году, когда уже будут идти советско-американские переговоры, сенат подавляющим большинством голосов примет резолюцию, призывающую Никсона выступать за взаимное замораживание развертывания систем противоракетной обороны и многозарядных боеголовок МИРВ.

ПРИМЕРНОЕ РАВЕНСТВО СИЛ

Предварительная встреча делегаций СССР и США по вопросам сдерживания гонки стратегических вооружений началась в Хельсинки 17 ноября 1969 года и длилась около месяца. Переговоры велись на строго конфиденциальной основе, обе стороны оценили их как взаимно полезные. Проведенный предварительный обмен мнениями относительно ограничения гонки стратегических вооружений и достигнутое понимание по общему кругу вопросов, которые должны были стать предметом следующего этапа переговоров, начинавшегося 16 апреля 1970 года в Вене, конечно, не были еще соглашением по существу проблем.

Путь к соглашению по ограничению стратегических вооружений не мог быть коротким и легким. Чтобы добиться успеха, требовалось пройти этот путь сполна — от начала до конца. Можно было потерпеть поражение, оступившись уже на самом первом этапе. Уже то, что этого не произошло, побуждало мировую общественность с должным вниманием отнестись к работе, проделанной в Хельсинки.

«Начинается второй тур обмена мнениями с США об ограничении так называемых стратегических вооружений,— говорил в апреле 1970 года министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.— Дело это серьезное и деликатное. Важно прежде всего выяснить, каковы действительные намерения американцев. Мы подходим ко всему этому вопросу серьезно. Будущее покажет, насколько серьезен подход американской стороны».

При выработке политического подхода к проблемам начавшихся переговоров определяющим для Советского Союза был курс на разоружение, включающий и различные частичные меры. Это традиционная советская политика, вытекающая из неизменной внешнеполитической линии на мирное сосуществование государств с различным общественным строем. Она исходит из ленинских принципов социалистической дипломатии и жизненных интересов нашей страны. Курса на разоружение Советский Союз придерживался во все времена — и тогда, когда уступал в военном отношении силам мирового империализма, и на новом историческом рубеже, когда он создал несокрушимую военную мощь. Американские лидеры уже не пытались изобразить этот курс как политику «с позиции слабости», как маневр, рассчитанный на тактический выигрыш. Коренное изменение соотношения сил в мире вынуждало Вашингтон более трезво подходить к оценке своих и советских возможностей в стратегической сфере. Никсон вынужден был приспосабливаться к новым реалиям.

В преддверии венского тура советско-американских переговоров газета «Уолл-стрит джорнэл» писала 16 апреля 1970 года:

— ...Есть особые основания для проведения венских переговоров именно в нынешний момент,— утверждают вашингтонские специалисты.— Русские впервые достигли примерного равенства с Соединенными Штатами по мощи ударных средств дальнего действия и, таким образом, могут вести с американцами переговоры о ядерном оружии на равной основе.

В правящем классе США проходила напряженная борьба вокруг политического подхода к переговорам. Явно вырисовывался водораздел между сторонниками достижения военного превосходства и сторонниками ограничения гонки вооружений. От исхода этой борьбы в немалой степени зависело дальнейшее продвижение СССР и США по пути сдерживания гонки вооружений.

По разным сторонам от водораздела в США складывалось далеко не однозначное отношение к позиции Советского правительства, не раз подчеркивавшего, что при условии действительной готовности правительства США к конструктивному решению вопросов двусторонних советско-американских отношений и международных проблем, как всеобщих, так и региональных, реально осуществимы многие мероприятия в интересах мира. Силы американской реакции не покладали рук, чтобы создавать обструкцию отвечающему интересам американского и советского народов поиску путей к обеспечению стабильности и смягчению напряженности в тех или иных районах земного шара, предотвращению опасных кризисов и конфликтов.

Позицию администрации США можно было бы охарактеризовать примерно так: она оседлала водораздел, старалась балансировать между двумя лагерями. Ее идейно-политическое родство с сторонниками «военного превосходства» над СССР не вызывало сомнений, но она, как показало голосование в сенате по «Сейфгарду», была на грани потери инициативы перед натиском противников гонки вооружений.

Примирение двух лагерей взял на себя Киссинджер, предлагавший такие аргументы.

«На протяжении всей истории военная мощь рассматривалась как абсолютная ценность,— писал Киссинджер.— Государственные деятели считали своей непременной и первостепенной задачей дальнейшее наращивание мощи. Еще двадцать пять лет назад невозможно было представить себе, что страна может располагать чересчур большой военной мощью, неприемлемой в политических целях... Парадокс современной военной силы состоит в том, что гигантский прирост силы подорвал возможность ее применения в политике... Другими словами, сила уже не переводится автоматически во влияние».

Итак, Киссинджер вынужден был признать, что для Америки бесцельно и невыгодно продолжать играть роль локомотива в гонке вооружений, что в новых условиях, существующих в мире, военная сила, сколько бы ее ни накапливать, не принесет искомых дивидендов.

Теоретическое и политическое прозрение представителей правящей элиты, оказавшееся, к сожалению, временным явлением, нашло выражение в трудах помощника президента по национальной безопасности,— факт примечательный сам по себе, но он еще не давал никаких оснований для оптимизма. Ибо в тот момент, когда многие американцы с облегчением читали о том, что ответственных людей в Вашингтоне осенило понимание бесполезности «чересчур большой военной мощи», министр обороны М. Лэйрд совместно с ЦРУ представил в апреле 1969 года в Совет национальной безопасности доклад, в котором предлагалось крупное увеличение стратегических наступательных сил, с тем чтобы, по выражению «Нью-Йорк таймс», «обогнать Советский Союз и быть в состоянии предпринять внезапное нападение в любое время».

В телевизионном представлении членов своего кабинета Никсон характеризовал Лэйрда следующими словами:

— Подбирая кандидата на пост министра обороны, я сознавал, что за последние годы сложился обычай выбирать одного из крупнейших администраторов промышленности нашей страны, чтобы поручить ему управление крупнейшим «предприятием» федерального правительства и всей нашей страны — теми 60 миллиардами долларов, которые расходуются на военные контракты. Однако вместо этого я выбрал Мелвина Лэйрда, члена палаты представителей от штата Висконсин, человека, который придет на этот пост не из делового мира, а из мира политики. Он понимает, что вопросы обороны требуют понимания не только оружия, машин и статистики, но и людей.

Никсон не добавил к этой характеристике собственных слов Лэйрда, который в своей книге «Расколотый дом. Стратегическое отставание Америки» приводил особенно полюбившееся ему высказывание древнего китайского мудреца Сунь-цзы, что «все военное искусство основано на обмане». Такое кредо лишало правдоподобия утверждение Лэйрда, будто он отложил принятие основных решений в стратегической области с целью «создать благоприятные условия для успеха переговоров об ограничении систем стратегического оружия и способствовать серьезному началу эры переговоров».

Те 60 миллиардов долларов, которыми расторяжался Лэйрд, были лишь авансом на алтарь военно-промышленного комплекса. И комплекс этот ждал новых миллиардов. Лиланд Этвуд, президент военного концерна «Норт Америкэн Рокуэлл», сказал как-то:

— Все заявления господина Никсона о вооружениях и космосе очень позитивны. Я полагаю, он, вероятно, немного более понятлив в отношении этих вещей, чем некоторые люди, которых мы прежде видели в Белом доме.

Итак, военно-промышленный комплекс возлагал больше надежд на Никсона, чем на его предшественников, основываясь преимущественно на его предвыборных заявлениях. Высказывание Этвуда привел известный американский экономист и писатель Джон Кеннет Гэлбрейт, который в 1969 году решил поразмышлять на тему о том, «как контролировать военных». Именно под таким заголовком выпустил он тогда памфлет, и в нем он соглашался и не соглашался с президентом «Норт Америкэн Рокуэлл» в его оценке нового хозяина Белого дома. Верно, Никсон всегда проявлял «понятливость» в отношении военных, но Гэлбрейт узрел также иные семена, при всходе которых может поколебаться то «позитивное», что так улыбалось Лиланду Этвуду.

«Если он сохранит позитивность,— писал Гэлбрейт,— военная верхушка может легко сделать с Никсоном то, что вьетнамская война сделала с его предшественником. Но она может вызвать в нем иную реакцию — заставит его сделать попытку избежать участи господина Л. Джонсона. Господин Никсон никогда в прошлом не был замечен в безразличии к своей политической карьере. В любом случае рано или поздно должна быть обуздана военная верхушка — либо это сделает господин Никсон, либо его наследник. Так это кажется сейчас. В настоящее время ясно одно: происходит резкий сдвиг в отношении общественности к военным, их промышленным союзникам. Политики, которые чувствительны к общественным настроениям, долго не могут игнорировать это. И в этом новом политическом климате появится шанс возродить контроль над военными».

Мечты Гэлбрейта о контроле над военными и прежде всего над военной верхушкой оказались несбыточными. И при Никсоне, и при его преемниках в Белом доме военно-промышленный комплекс здравствовал и процветал, не скудели приношения на его алтарь, изымаемые у налогоплательщика. Но если представить себе на минуту, что Никсону пришла мысль послушаться Гэлбрейта и приняться за дело в компании с Лэйрдом и Паккардом, то каковы были потенции последних?

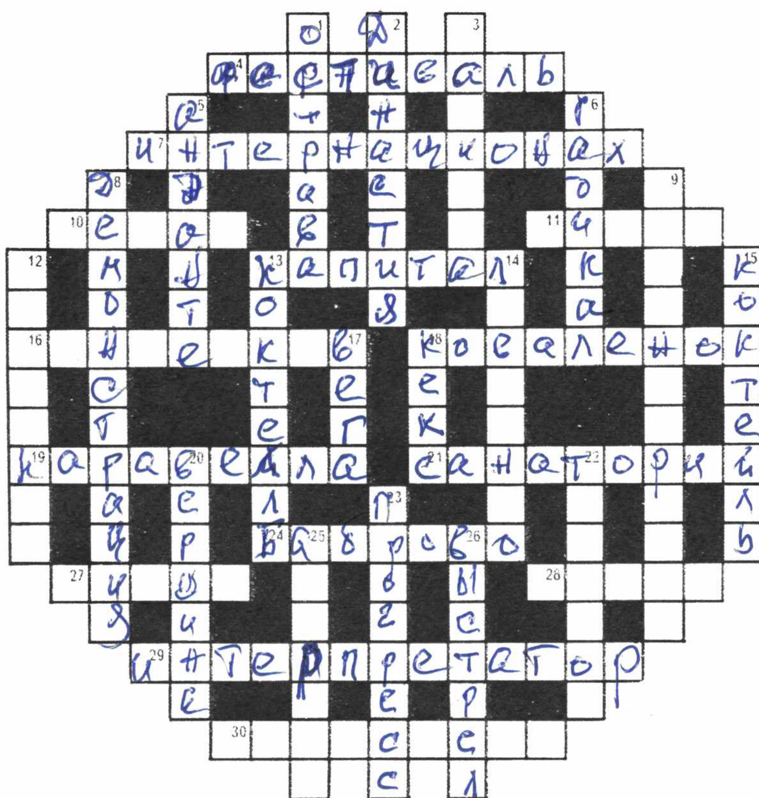
«Мелвин Лэйрд,— говорилось в памфлете «Как контролировать военных»,— находясь в конгрессе, был ярым глашатаем взглядов военных. Через несколько дней после того, как его поместили (!) в Пентагоне, он возглавил политическую кавалергардскую вылазку по спасению ПРО. Его первый заместитель, Дэвид Паккард, был завербован из самого сердца военно-промышленного комплекса».

Автор памфлета проводил мысль, что сам по себе Лэйрд ничего особенного вроде бы не значил, что его «поместили» в Пентагоне для того, чтобы он продолжал быть глашатаем интересов ВПК. Согласно другой точке зрения, Лэйрд не был пешкой в руках военной верхушки и ее промышленных союзников. Доверие к нему милитаристского сословия, с одной стороны, и большой опыт политиканства — с другой, удерживали его на плаву. Лэйрд присматривал за президентом и его советниками.

— Время от времени Генри Киссинджер горько жаловался Никсону, Холдеману и мне,— вспоминает Эрлихман,— о нечистоплотной тактике Лэйрда. Но Генри не требовал изгнания Лэйрда, как он хотел поступить с государственным секретарем Уильямом Роджерсом. Лэйрд так преуспевал в делах со своими закадычными дружками в конгрессе, что каждый понимал его незаменимость.

В другом месте Эрлихман утверждает, что «президент не доверял своему министру обороны Мелвину Лэйрду», и по этой причине вместе с Киссинджером они частенько вели напрямую дела с комитетом начальников штабов (КНШ) и его председателем, адмиралом Томасом Мурером.

Продолжение следует.

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали: 4. Массовое празднество, сопровождаемое показом разных видов искусств. 7. Пролетарский гимн. 10. Белорусский литературно-художественный журнал. 11. Советский кинооператор, снимавший В. И. Ленина. 13. Основной научный труд К. Маркса. 16. Советский детский писатель. 18. Советский летчик-космонавт. 19. Морское парусное судно. 21. Лечебно-профилактическое учреждение. 24. Город в Болгарии, где проводятся фестивали юмора. 27. Казахский народный певец, сказитель. 28. Повесть А. П. Гайдара. 29. Толкователь смысла текстов. 30. Часть театральных подмостков между занавесом и рампой.

По вертикали: 1. Промышленный город в Чехословакии. 2. Поколения, передающие из рода в род трудовые традиции, мастерство. 3. Африканская разновидность ксилофона. 5. Музыкальный темп. 6. Математический знак. 8. Шествие, митинг. 9. Озеро в Таджикистане. 12. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе. 13. Горизонтальная подземная выработка. 14. Советский адмирал. 15. Смесь напитков. 17. Серия автоматических межпланетных станций по проекту «Венера — комета Галлея». 18. Сдобное кондитерское изделие с изюмом. 20. Наиболее высокая часть горы. 22. Самоходная сельскохозяйственная машина. 23. Советский транспортно-грузовой космический корабль. 25. Татарский писатель и публицист, просветитель. 26. Советские высшие офицерские курсы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали: 3. Ульяновск. 5. Фаиз. 6. Лимб. 9. Балалайка. 12. «Динамо». 13. Ласкер. 14. Щусев. 16. Артишок. 17. Шагинян. 19. «Норма». 20. «Жигули». 22. Иридий. 24. Коллекция. 27. Дата. 28. Овен. 29. Зиморoдок.

По вертикали: 1. Плазма. 2. Оселок. 4. Норильск. 5. Фаза. 7. Бокс. 8. Дистанция. 9. «Большевик». 10. Аллегория. 11. Зелинский. 14. Щукин. 15. Вашка. 18. Ориентир. 21. Удод. 23. Иден. 25. Опарин. 26. Изотов.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Фотоэтюд.
Фото И. ГАВРИЛОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Ю. Непринцев. СОЛИДАРНОСТЬ. 1975.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 8.04.85. Подписано к печати 24.04.85. А 04566. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 560 000 экз. Изд. № 1308. Заказ № 454.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МЕСТНЫЙ КОЛОРИТ

Молодой поэт Владимир Вишневский впервые выступает на страницах «Огонька».

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Нет, как вам это нравится!!
Нарушили инструкцию:
Заказывал овацию —
Устроили обструкцию.

* * *

Он был ужасно мил
И скор на прибаутку.
Но взял и объявил
«Контрольную закупку».

ЭТЮД В ЗАКАТНЫХ ТОНАХ

...И кроны в подветренном трепете,
и птиц хоровод элегичный,
и пруда волненье, и лебедя,
и дымка в районе «Шашлычной»,
и стать незнакомки нездешняя,
и группа подростков в кроссовках,
и это тяжелое солнце,
уже на посадку зашедшее,
и вся эта гамма заката,
и те вон — за лавкой — два ящика,
ничто не укрылось от взгляда
сержанта милиции Рядченко...

ЛИРИЧЕСКИЕ ОДНОСТИШИЯ

Уж лучше дверцей хлопать,
а не дверью...

* * *

Был отвергаем, но зато — какими!..

* * *

Когда ты и любим, и переиздан...

* * *

С чего тебя не сбить, так это с толку...

ГОВОРЯТ ДЕТИ

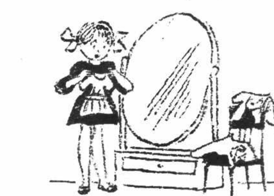

* * *

Старший брат возвращается с работы домой. Утром он не успел побриться, и на щеках рыжая щетина.

Наташа осмотрела его критически и вывела резюме:

— А Костя поржавел.

* * *

Мама с соседкой разговаривают о нарядах.

Наташа слушает их разговор, потом вставляет реплику:

— А я сколько ни худею, не могу влезть в прошлогоднее платье.

* * *

Сережу укладывают спать. Он капризничает и говорит обиженно:

— Завтра я уйду жить к Наташе.

— Почему? — спрашивает бабушка.

— Мы с ней будем разрешать друг другу смотреть взрослые фильмы.

* * *

Гость спрашивает первоклассника Володю:

— Сколько пятерок получил?

— Четыре!

— А сколько троек?

Замялся, застеснялся и сообщает:

— Тройки мама подсчитывает, у нее спросите...

Из коллекции В. КОНЯХИНА

СВОИМИ РУКАМИ

Строительством моделей старинных кораблей занимаются многие. Однако построить миниатюрную шхуну в стеклянной бутылке — это под силу не каждому. Поэтому демонстрация таких моделей вызывает большой интерес, как и эта галера западногерманского умельца.

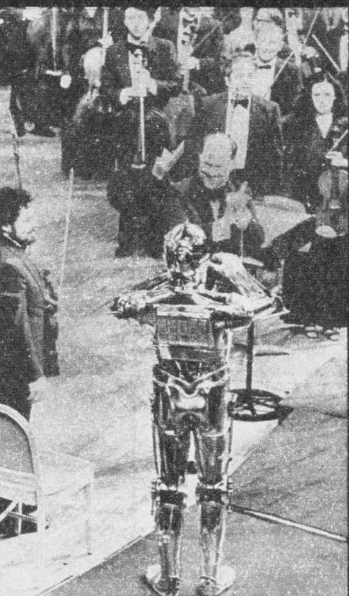

ПРИВЫЧКА — ВТОРАЯ НАТУРА

Вот уже более пятидесяти лет каждое утро с первыми лучами солнца стучится в двери жителей небольшого испанского городка разносчица молока Джозефа Лопес. Несмотря на бурный технический прогресс, она носит тяжелые бидоны в руках и на голове, как когда-то делала ее мать. Старожилы и молодежь очень тепло относятся к Лопес, считая, что она вносит особый колорит в повседневную жизнь.

ПЕСТРАЯ СТРАНИЦА

По материалам зарубежной печати

РОБОТ-ДИРИЖЕР

На концерте популярной музыки, состоявшемся в симфоническом зале города Бостона [США], в роли дирижера выступил... робот.

После окончания концерта робот получил заслуженную благодарность музыкантов.

ПРИЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ

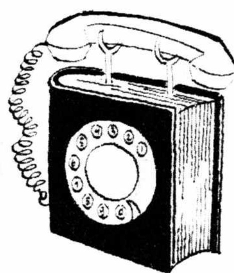
Быть страстным рыболоврм не мешает англичанину Джону Тиддлеру оставаться примерным отцом. Он сочетает приятное с полезным. Его крошка сын всегда под присмотром и приобретает первые навыки рыбной ловли.

ПУСКАЕТ ПУЗЫРИ

Может ли быть пускание пузырей чем-либо, кроме детской забавы! Оказывается, да. Швейцарец Песталоцци даже собрал специальную машину, чтобы выдуть «самый большой в мире мыльный пузырь». Надув пузырь длиной в три метра, он добился своей цели — его имя попало в книгу рекордов Гиннеса.

НЕСЕРЬЕЗНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Коллектив авторов. Список абонентов московской городской телефонной сети. Телефоны организаций и учреждений. «Радио и связь», 1984 г.

Эту книгу, вышедшую в прошлом году в издательстве «Радио и связь», трудно оценить однозначно, но главное, что удалось достигнуть коллективу молодых авторов,— это выйти на уровень широкого и полного осмысления фактов и явлений современной жизни такого большого города, как Москва. Через будничный и в общем-то единичный факт, играющий тем не менее большую роль в жизни каждого столичного жителя, через номер телефона открывается широкая панорама сложной и противоречивой городской жизни.

Не будет преувеличением сказать, что авторы этого произведения, поставив перед собой задачи эпические, справились с ними талантливо и интересно. Со страниц «Списка абонентов...» к читателю обращается его сегодняшний день. Все организации Москвы, имеющие телефоны, от Верховного Совета до жэков, нашли свое место на страницах этой книги. И это большая удача и точно найденный литературный прием, в котором нет и быть не может «литературничанья» и надуманности. Позвоните по номерам, указанным в списке, и вы сами убедитесь, как реалистически точно и объективно молодые авторы отразили круг интересов нашего современника, его проблемы, заботы и достижения.

Авторы честно глядят в лицо истории. Они не замазывают наших недостатков и честно ведут разговор о том, что еще мешает нам спокойно жить и работать.

Что может быть прекраснее телефонов родильных домов? Оптимизмом и светлой радостью веет с этих страниц. Люди рождаются! И не смолкают здесь телефонные звонки: с глубоким волнением звонят родственники, стремясь узнать, кто родился на этот раз — мальчик или девочка, какой вес, как чувствует себя мать, не звонил ли отец...

Но оптимизм в этой жизни соседствует с грустью. Есть у нас и такие телефоны, позвонив по которым ничего путного не добьешься. Они бывают заняты целыми днями. А есть и такие телефоны, к которым упорно не хотят подходить — так, видно, жить спокойней.

Кое-кто, испугавшись этой широты взгляда, обвинит, пожалуй, авторов в излишнем натурализме, дескать, стоило ли так скрупулезно приводить на страницах списка некоторые номера. Но таких лакировщиков хочется спросить: а разве сами они не звонили в психдиспансер, когда им нужна была справка о том хотя бы, что они не стоят там на учете? Или попробуй выкинуть телефон отделения милиции — куда прикажете звонить, если увидишь, что ночью на улице пристают к женщине? Выброси телефон санэпидстанции — и мыши загрызут, и тараканы замучают.

Нет, жизнь наша подчас ох как сложна и, да простится этот каламбур, выбрасывает номера не только радостные, но и трагические — так можно ответить на возражение тех, кто скажет, что авторам в их подробном описании нашего дня изменяют вкус и чувство меры.

Тем же, кто может заметить, что в книге нет образов наших современников в частной, так сказать, жизни, авторы сообщают, что теперь они работают над продолжением своей книги в трех (предположительно) томах. Здесь найдут отражение телефоны, установленные у каждого из нас дома. И, судя по тому старанию, с которым создана была первая часть этой многотомной эпопеи, можно надеяться, что никто из нас не будет забыт.

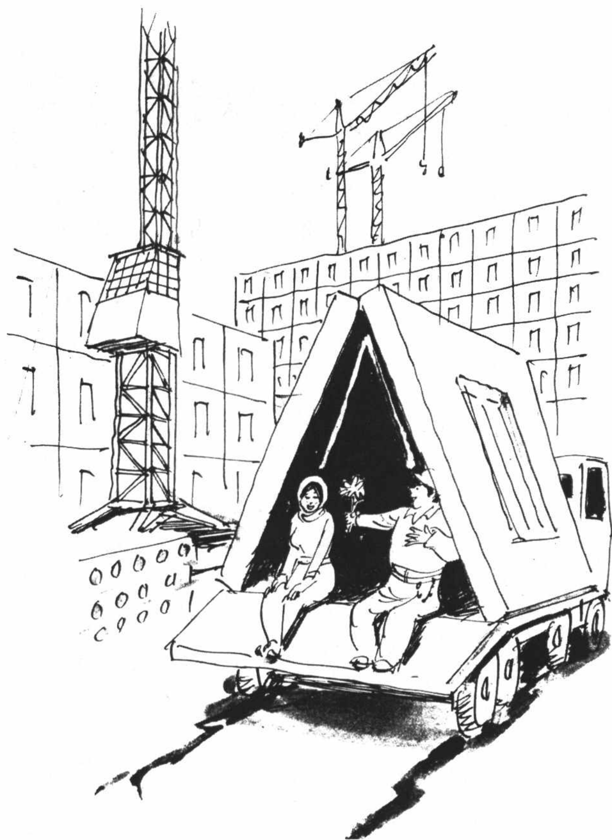
С. ФОМИН

ВЕСЕЛЫЙ ФОТООБЪЕКТИВ

Без слов.

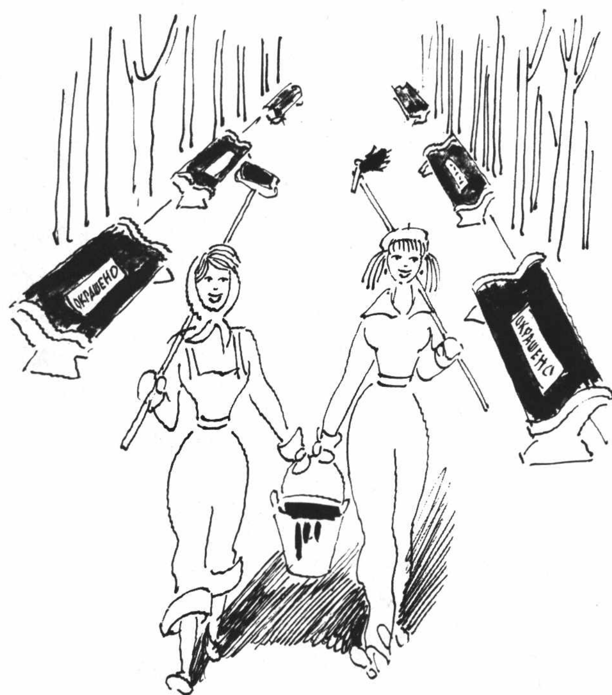
Фото С. Комарова

С милым рай и в шалаше.

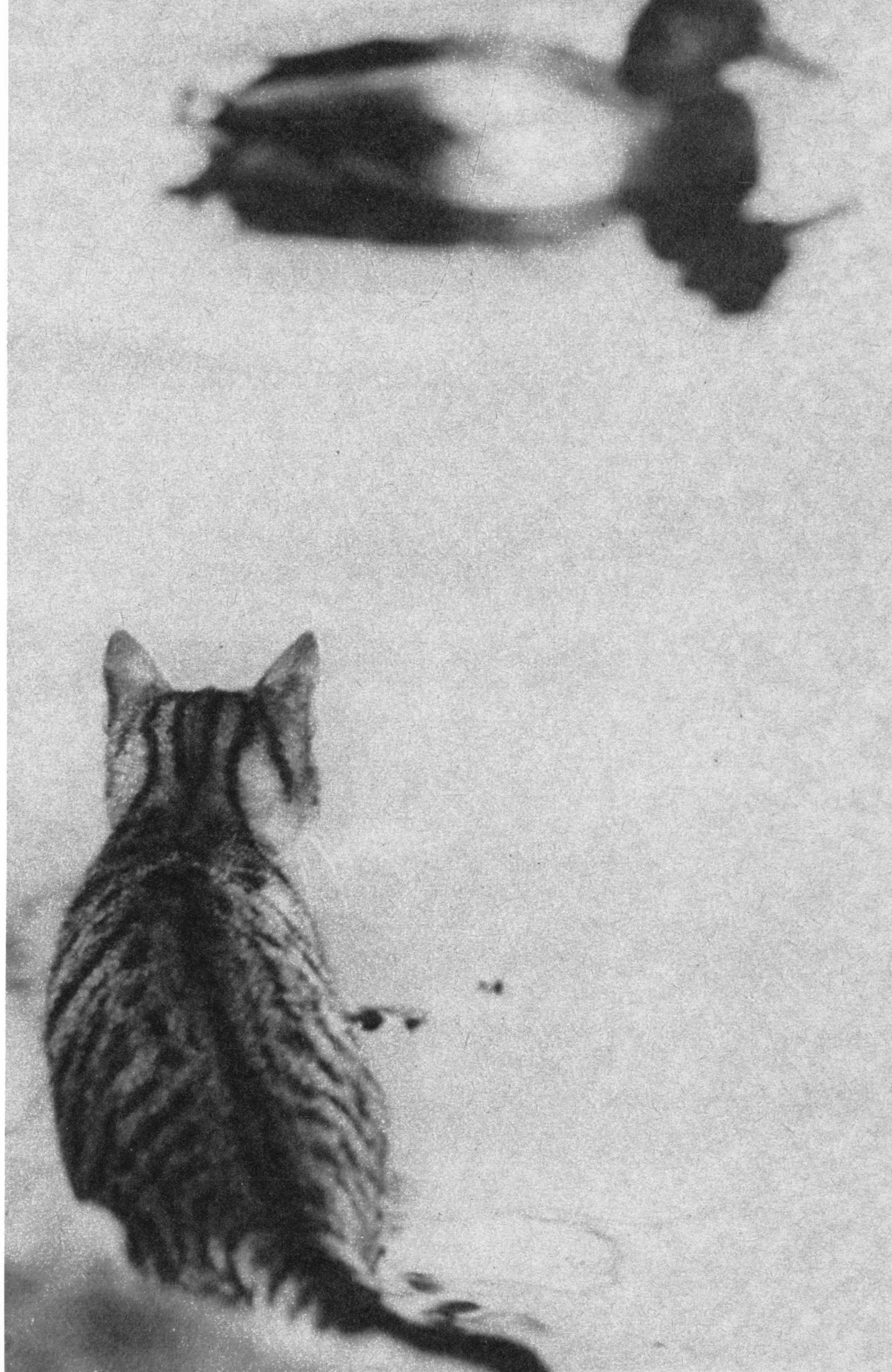

Новоселы.

Майские краски.

Рисунки Ю. Черепанова

Видит око, да зуб неймет. Фото В. Титова

ВЕСЕЛЫЙ ФОТООБЪЕКТИВ

У самого синего моря... Фото Р. Агасьянца

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70562